СЭМ НОКС

БОГ МЕСТИ

18+

Сэм Нокс
Бог мести

https://litres.ru/74718689
SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать один год Эдриан Вейл считал гибель младшей сестры несчастным случаем. Пока однажды среди чужих корпоративных документов не обнаружил запись, которая изменила всё. Теперь он знает: прошлое Блэк-Холлоу хранит тайны, за которые придётся заплатить.

Он приезжает в город, чтобы вершить правосудие. Холодный, расчётливый, привыкший контролировать чужие жизни, Эдриан не допускает даже мысли, что его план может дать трещину. Но встреча с Эвелин Мур превращает тщательно продуманную месть в опасную игру, где желание обладать становится неотличимым от желания уничтожить.

Дарк-роман, психологический триллер, стекло, роковая ошибка, не хеппи энд. Содержит откровенные сцены. Рейтинг 18+.

Содержание

ПРОЛОГ. Несчастный случай 4
АКТ I. РОЖДЕНИЕ БОГА МЕСТИ 6
ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОНТРОЛЬ 7
ГЛАВА ВТОРАЯ. АРХИВ 24
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ГОЛОСА ПРОШЛОГО 35
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ЧЕТЫРЕ ИМЕНИ 45
ГЛАВА ПЯТАЯ. ПРИГОВОР 56
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ТЕРПЕНИЕ 66
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ 77
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ХЕЙЛ 85
АКТ II. ОХОТА 95
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. МАРГАРЕТ КРЕЙН 96
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ТОМАС РИД 108
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ЭВЕЛИН МУР 118
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЗНАКОМСТВО 128
Конец ознакомительного фрагмента. 130

Сэм Нокс
Бог мести

ПРОЛОГ. Несчастный случай

Блэк-Холлоу, штат Мэн. Октябрь 2026 года.

THE BLACK HOLLOW GAZETTE

Местная хроника | 26 октября 2026 года

При пожаре в частном доме погиб местный житель

БЛЭК-ХОЛЛОУ, МЭН. В ночь с субботы на воскресенье в результате пожара в частном жилом доме на северной окраине города погиб 64-летний Томас Рид.

По информации местной пожарной службы, сообщение о возгорании поступило в 02:17. К моменту прибытия первого расчёта огонь охватил значительную часть первого этажа и кровлю двухэтажного здания.

Тело владельца было обнаружено после локализации пожара. На момент происшествия Рид находился в доме один.

Представитель пожарной службы сообщил, что предварительно признаков умышленного поджога не установлено. Точная причина возгорания будет определена после завершения технической экспертизы. Основной рассматриваемой версией остаётся неисправность электрооборудования.

Томас Рид проживал в Блэк-Холлоу более тридцати лет.

В прошлом он занимал административные должности в нескольких учреждениях округа, после выхода на пенсию вёл уединённый образ жизни.

Соседи характеризуют погибшего как спокойного, немногословного человека.

«Он никогда никому не мешал. Очень печально, что всё закончилось именно так», — рассказала жительница соседнего дома.

По сведениям редакции, за несколько дней до трагедии Рид обратился в местную мастерскую с просьбой проверить электропроводку. Информация о проведении ремонтных работ пока не подтверждена.

Полиция округа не рассматривает произошедшее как преступление.

Прощание с погибшим состоится после завершения необходимых процедур.

Редакция The Black Hollow Gazette выражает соболезнования родным и близким Томаса Рида.

АКТ I. РОЖДЕНИЕ БОГА МЕСТИ

Ноябрь 2025 — сентябрь 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОНТРОЛЬ

Бостон, Массачусетс. Ноябрь 2025 года.

— На колени, Клэр.

Она не двинулась с места.

Вместо этого медленно провела пальцами по лацкану его пиджака, скользнула к верхней пуговице сорочки и вызывающе улыбнулась:

— А если я хочу, чтобы ты меня попросил?

Эдриан даже не моргнул. Его взгляд оставался тем же, каким он обычно изучал балансовые отчёты перед ликвидацией чужого бизнеса: оценивающим, неподвижным и абсолютно лишённым сочувствия.

— Я никогда ни о чём не прошу. Ты прекрасно это знаешь.

Он не повышал голоса. Пальцы Эдриана легли ей на шею — не сжимая, но с той безошибочной точностью, от которой по коже мгновенно рассыпается озноб. Большой палец мягко надавил под челюстью, нащупывая частый, неровный пульс.

Клэр прерывисто вдохнула. Её дерзость всегда держалась ровно до того момента, пока он не начинал прикасаться.

— Вейл…

— Ты тратишь моё время, — тихо произнёс он. В этой интонации не было злости — только констатация факта.

Эдриан развернул её к панорамному окну одним расчётливым, жёстким движением. Холодное ноябрьское стекло,

за которым тонул в дожде вечерний Бостон, встретило её ладони. Клэр тихо охнула, попыталась обернуться, но его рука переместилась на затылок, пальцы запутались в волосах, заставляя зафиксировать голову.

— Смотри на город, — приказал он прямо ей на ухо. Горячее дыхание обожгло мочку. — Не на меня.

— Ты невыносимый мерзавец, — выдохнула она, но послушно прогнулась в пояснице, упираясь лбом в холодное стекло.

Шёлковое платье поползло вверх. Звук разрываемой ткани кружевного белья прозвучал сухо и резко в тишине пентхауса. Эдриан не стал тратить секунды на то, чтобы снимать его аккуратно: он оплачивал эту квартиру, покупал эти вещи и забирал право распоряжаться ими тогда, когда считал нужным.

Он расстегнул ремень левой рукой, не отпуская её волос.

Клэр знала правила: стоп-слово существовало, оно было обговорено ещё в первый месяц, но за весь год она ни разу его не произнесла. Она ненавидела подчиняться кому-либо в совете директоров, но в этой комнате её сводило с ума то, с каким хладнокровием он забирал себе власть над её телом.

Эдриан вошёл в неё резко, без прелюдий и лишней мягкости, заставив её вскрикнуть в стекло.

Он двигался ритмично, тяжело и выверенно, полностью контролируя каждое движение её тела. Пальцы второй руки впились в её бедро, оставляя темнеющие следы на блед-

ной коже. Никаких поцелуев. Никаких ласковых слов. Только глухой стук капель по стеклу, сдавленные всхлипы Клэр и звук соприкосновения тел.

В этом не было романтики. Это было чистое, концентрированное доминирование. Эдриан брал от неё ровно то, за чем пришёл: разрядку, абсолютное послушание и подтверждение того, что в этом пространстве его власть остаётся непререкаемой.

Когда она начала судорожно сжиматься вокруг него, захлёбываясь собственным оргазмом, он лишь сильнее прижал её к стеклу, углубляя толчки и доведя себя до финала с глухим, сдержанным стоном сквозь сжатые зубы.

Он не остался прижатым к ней ни секундой дольше, чем требовалось.

Отступил назад. Поправил одежду, застегнул ремень. Металл пряжки щёлкнул с сухим звуком наручников.

Клэр медленно сползла по стеклу, пытаясь восстановить сбитое дыхание. Волосы были спутаны, на щеках горел лихорадочный румянец. Она подняла на него затуманенный, тяжёлый взгляд.

Эдриан достал из кармана шёлковый платок, вытер пальцы и бросил его на столик.

— В душ, Клэр. И надень что-нибудь.

Она усмехнулась — криво, чуть уязвлённо, но без удивления:

— Ты даже не подашь мне руку?

Эдриан посмотрел на неё сверху вниз, застёгивая запонку на манжете:

— Ты взрослая женщина с миллионными активами. Поднимешься сама.

Первое, что Эдриан Вейл заметил утром, — женщина, лежавшая рядом с ним, притворялась спящей.

Он знал это по дыханию.

Спящие люди не следят за тем, как открывается дверца гардероба. Не задерживают вдох, когда мужчина достаёт рубашку. И уж точно не приоткрывают глаза ровно настолько, чтобы увидеть отражение его обнажённой спины в зеркале.

— Ты можешь просто спросить, — сказал он, надевая сорочку.

Клэр улыбнулась, не открывая глаз:

— О чём?

— О том, останусь ли я на завтрак.

— Я собиралась спросить, умеешь ли ты вообще завтракать с женщинами.

Эдриан застегнул манжету.

— Умею.

— Неужели?

— Просто редко вижу в этом необходимость.

Клэр перевернулась на спину, натянув простыню до груди.

Ей было тридцать восемь. Она управляла инвестиционными проектами, зарабатывала достаточно, чтобы никогда не спрашивать мужчину о его состоянии, и отличалась редким

умением не задавать вопросов, ответы на которые заведомо не понравятся.

Именно поэтому они встречались уже почти год. Никаких обязательств. Никаких воскресных обедов с родственниками. Никаких сообщений с вопросом, почему он не позвонил. Только взаимное желание, заранее оговорённые границы и предсказуемость.

По крайней мере, так было вначале. Но после близости она всё чаще искала в его лице нечто другое.

Он замечал это. И предпочитал не замечать.

— Эдриан.

Он поднял глаза.

— Да?

— Ты когда-нибудь был влюблён?

Вопрос прозвучал неожиданно. Не потому, что его никогда не задавали. Напротив: рано или поздно женщины всегда приходили к темам, не предусмотренным первоначальными договорённостями.

— Был, — ответил он, надевая пиджак.

Клэр приподнялась на локте:

— Серьёзно?

— Мне было семнадцать.

— И что случилось?

— Мы расстались.

— Боже, какая подробная история. Ты когда-нибудь думал написать мемуары?

— Неоднократно. Боюсь, адвокаты не разрешат публикацию.

Она рассмеялась. У Клэр был красивый смех — низкий, грудной, без той искусственной звонкости, с которой некоторые женщины пытались казаться моложе.

Но смех быстро угас. Клэр некоторое время смотрела на него сквозь полумрак спальни.

— Знаешь, в тебе есть одна отвратительная особенность.

— Всего одна?

— Ты умеешь заставить женщину подчиняться так, будто в этот момент для тебя не существует ничего важнее.

Эдриан не ответил.

— А потом надеваешь часы, — продолжила она с горькой усмешкой, — и выясняется, что мир существует совершенно отдельно от неё. И ты — тоже.

Он взглянул на платиновый циферблат, который как раз застёгивал на запястье.

— Это дорогая вещь. Было бы обидно её потерять.

— Иди к чёрту, Вейл.

— После десяти. Раньше у меня совещание.

Она не ответила. Когда Эдриан подошёл к кровати, чтобы забрать с прикроватного столика ключи и телефон, Клэр перехватила его за запястье. В её пальцах было слишком много напряжения.

— Иногда мне кажется, что ты вообще никого не способен подпустить к себе. Что внутри тебя просто пустота.

— Ты сейчас держишь меня за руку.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

Он понимал. И именно поэтому мягко, но с неотвратимой силой повернул кисть, заставив её разжать пальцы.

— Увидимся, Клэр.

— Возможно.

Дверь закрылась за ним беззвучно.

В лифте Эдриан достал телефон. Девять пропущенных уведомлений. Два сообщения от помощницы. Одно от финансового директора компании, которая вчера публично отрицала утечку клиентских данных, а сегодня собиралась заплатить ему за то, чтобы последствия этой утечки не разрушили её капитализацию.

Он просмотрел сообщения, открыл календарь и удалил напоминание о пятничном ужине с Клэр.

Потом на секунду задумался. Вернул напоминание.

Он не испытывал к ней привязанности. Но и причинять бессмысленную боль не входило в его привычки — особенно тогда, когда всё можно было уладить соблюдением установленных правил.

В десять часов семнадцать минут президент компании «Нортбридж Диджитал» впервые за сорок минут перестал говорить.

Эдриан счёл это обнадёживающим признаком.

За панорамными окнами переговорной Бостон медленно исчезал в сером ноябрьском дожде. Внизу ползли автомоби-

ли. На стекле собирались тяжёлые капли, и город выглядел так, словно кто-то провёл по нему мокрой кистью.

За длинным столом сидели шестеро: трое юристов, финансовый директор, руководитель службы безопасности и человек, чья подпись ещё вчера стоила акционерам сотни миллионов долларов, а сегодня могла обойтись в несколько уголовных расследований.

Эдриан закрыл папку.

— Итак, — произнёс президент. — Что вы предлагаете?

— Для начала перестать врать.

Финансовый директор кашлянул. Главный юрист поднял голову:

— Простите?

— Вы утверждаете, что утечки не было. Между тем мне потребовалось двадцать шесть минут, чтобы получить подтверждение обратного.

— Каким образом?

— Законным.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который вам сейчас необходим.

Президент побарабанил пальцами по столу:

— Мы наняли вас не для чтения нравоучений, мистер Вейл.

— Разумеется. Если бы вам требовались нравоучения, вы обратились бы к священнику. Его услуги значительно дешев-

ле.

Один из юристов отвёл взгляд, пряча улыбку.

Эдриан развернул ноутбук:

— Вчера ваша пресс-служба сообщила, что сведения о компрометации данных не соответствуют действительности. Через сорок три минуты после публикации заявления ваш технический директор направил внутреннее письмо, в котором подтвердил несанкционированный доступ к системе.

— Это конфиденциальная переписка, — вмешался руководитель безопасности.

— Именно. Поэтому особенно неприятно, что она оказалась доступна стороннему аудитору, нанятому вашим же советом директоров.

Наступила тишина.

— Хорошая новость, — продолжил Эдриан, — заключается в том, что на данный момент мы располагаем признаками утечки ограниченного массива данных. Плохая — в том, что вы сами превратили технический инцидент в кризис доверия.

Президент откинулся в кресле:

— Ваше решение?

— Признать факт инцидента. Провести независимую экспертизу. Уведомить затронутых клиентов в установленном порядке. Прекратить удалять внутреннюю переписку. И уволить того, кто предложил отрицать очевидное.

— Последнее обязательно?

— Нет. Можете сохранить его и потерять компанию.

Эдриан говорил спокойно. Он никогда не повышал голос на клиентов. Не потому, что уважал их больше остальных, а потому, что громкость редко повышала убедительность.

Ему платили не за дружелюбие. И даже не за уверенность. Ему платили за способность входить в помещение, полное испуганных людей, и находить решение, пока те пытались переложить ответственность друг на друга.

В половине одиннадцатого президент согласился на независимое расследование. В одиннадцать ноль пять юридический отдел получил план действий. К полудню пресс-служба готовила новое заявление. А в двенадцать двадцать Эдриан вышел из здания, зная, что его компания получит шестизначный гонорар за работу, на которую уйдёт не больше трёх недель.

День складывался неплохо.

Его собственная компания занимала два этажа старого банковского здания на Бойлстон-стрит. Никаких золотых букв на фасаде. Никаких портретов основателя в холле. Только неброская металлическая табличка:

VALE STRATEGIC ADVISORY

Corporate Risk. Crisis Management. Strategic Intelligence.

Эдриан терпеть не мог выражение «решение проблем». Проблемы редко решались. Чаще их переводили в состояние, при котором они переставали угрожать нужным людям. И чем раньше человек понимал разницу, тем дороже мог

продавать свои услуги.

В кабинете пахло свежим кофе и бумагой. На столе лежали три папки, хотя Эдриан неоднократно просил сотрудников не оставлять документы без необходимости.

Первая касалась судебного спора вокруг медицинского стартапа. Вторая — смены руководства региональной банковской сети.

Третья была толще остальных. Чёрная обложка. Белая наклейка.

NORTH ATLANTIC HOLDINGS

Предварительная оценка рисков приобретения

Он снял пиджак, повесил на спинку кресла и нажал кнопку внутренней связи:

— Мелисса.

— Слушаю.

— Что это?

— Новый запрос. Поступил сегодня утром. Я поставила его наверх.

— Почему?

— Клиент готов заплатить вдвое больше нашего стандартного тарифа.

Эдриан посмотрел на папку:

— Уже интереснее.

— Они хотят встретиться завтра.

— Предмет?

— Подготовка к продаже одного из подразделений. Про-

верка истории активов, судебных обязательств, репутационных рисков. Обычная работа.

— Обычная работа редко стоит вдвое дороже.

— Именно поэтому я положила папку наверх.

Он улыбнулся:

— Спасибо.

Несколько минут Эдриан просматривал документы.

North Atlantic Holdings существовала более семидесяти лет и успела побывать практически во всех отраслях, где государственное регулирование соседствовало с большими деньгами: строительство, страхование, медицинское оборудование, частные исследовательские программы, управление недвижимостью. Сложная структура собственности, десятки дочерних организаций, приобретения, ликвидации, реорганизации.

Такие корпорации редко имели абсолютно чистое прошлое. И почти никогда не желали знать о нём всё.

Эдриан открыл электронное приложение к договору.

Исторические обязательства. Судебные претензии. Архивные активы. Ликвидированные дочерние структуры.

На третьей странице располагалась таблица организаций, которыми корпорация прямо или косвенно владела за последние тридцать лет. Он скользил взглядом по названиям:

Atlantic Medical Research.

Pinecrest Rehabilitation Services.

New England Clinical Development.

А затем увидел ещё одно.

BLACK HOLLOW BEHAVIORAL CENTER.

Пальцы остановились на клавиатуре.

Сначала он подумал, что ошибся. Названия маленьких американских городов часто повторялись. Блэк-Холлоу вполне мог быть названием медицинского центра в другом штате.

Он открыл карточку организации.

Штат Мэн.

Округ Уолден.

Год прекращения деятельности: 2004.

Ниже находилась строка:

Основание закрытия: утрата объекта недвижимости в результате пожара.

Эдриан медленно откинулся в кресле.

Дождь за окном усилился. В кабинете работала система климат-контроля, негромко гудел компьютер, где-то за стеной помощница разговаривала по телефону. Он слышал всё это.

Но одновременно слышал другой звук.

Детский смех. Очень давний.

Лили было девять, когда она решила, что станет капитаном корабля. Не моряком — именно капитаном. Она объяснила, что капитаны могут отдавать приказы взрослым, а значит, это единственная профессия, подходящая человеку, которому надоело постоянно слушаться.

Эдриан, которому тогда было тринадцать, сказал, что капитаны обязаны уметь плавать. Лили ответила, что это необязательно, потому что хорошие корабли не тонут.

Он долго смеялся. Она обиделась. А вечером пришла к нему с нарисованной картой воображаемого острова и предложила стать её первым помощником.

Эдриан отказался. Тогда она назначила его главным пиратом. С этой должностью он согласился.

Он помнил рисунок: синее море, красные деревья, жёлтое солнце и крошечный чёрный корабль, похожий на коробку с зубочистками. Помнил, как Лили старательно выводила его имя рядом с нарисованным черепом. Помнил её смех.

И почему-то совершенно не помнил, что сказал ей во время их последнего разговора.

За двадцать один год он пытался восстановить этот разговор сотни раз. Не получалось. Память сохранила тысячи бесполезных подробностей, но отказалась вернуть единственные слова, которые действительно имели значение.

Когда-то это сводило его с ума. Потом он научился жить с отсутствием ответа.

Эдриан снова посмотрел на экран.

Блэк-Холлоу. 2004 год. Пожар.

Он не возвращался туда много лет. После смерти Лили город превратился для него в место, которое существовало одновременно на карте и где-то за пределами обычной жизни. Он знал, что там по-прежнему стоят дома, работают ма-

газины, рождаются дети, стареют люди. Всё продолжалось. Только для Лили ничего не продолжилось.

Он потянулся к телефону и набрал номер помощницы:

— Мелисса, пришли мне полный список дочерних организаций North Atlantic Holdings, связанных с медицинскими учреждениями.

— За какой период?

— За весь.

— Это десятки лет.

— Я знаю.

— Вам нужен краткий отчёт?

— Нет. Первичные документы. Реестры, корпоративные решения, сведения о правопреемстве, сохранившиеся описи архивов.

— Это займёт время.

— Тогда начни сейчас.

Он положил трубку. На экране всё ещё оставалась карточка клиники.

Эдриан открыл старый новостной архив и нашёл публикацию двадцатиоднолетней давности. Фотография обгоревшего здания. Полицейские машины. Несколько людей под одеялами у пожарной машины.

И заголовок, который когда-то изменил всю его жизнь:

«Трагический пожар в медицинском учреждении: подтверждена гибель ребёнка».

Он прочитал материал. Потом ещё раз.

Всё было знакомо: неисправность электрооборудования, быстрое распространение огня, сложности при эвакуации, отсутствие признаков преступления. Официальное расследование не выявило оснований для предъявления обвинений.

Эдриан мог бы повторить эти строки по памяти. И уже собирался закрыть страницу, когда заметил внизу небольшое уточнение редакции, добавленное спустя восемь месяцев после пожара:

«Представители владельца учреждения сообщили, что большая часть медицинского и исследовательского архива была уничтожена. Вопросы о сохранности отдельных материалов следует направлять уполномоченному представителю бывшего научного руководителя клиники доктора Ричарда Хейла».

Эдриан перечитал последнее предложение.

Отдельных материалов.

Он вернулся к карточке организации. В строке «Архивное хранение» значилось:

Сведения переданы в отдельный реестр. Доступ ограничен.

Он открыл соответствующий раздел и запросил приложение. На экране появилось уведомление:

Файл отсутствует в общем пакете документации.

Ниже был указан номер описи и имя ответственного лица:

Richard Hale, M.D.

Эдриан несколько секунд сидел неподвижно. Потом открыл новый документ и записал номер описи.

Он ещё не знал, что именно ищет. Не знал, сохранились ли записи. Не знал, почему материалы давно закрытого учреждения оказались вынесены в отдельный архив.

Но за двадцать один год работы памяти с утратой он усвоил одну вещь: случайности не оставляют после себя документы, требующие ограниченного доступа.

Он посмотрел на фотографию клиники. На обугленные стены. На выбитые окна. На то место, где когда-то находилась детская палата Лили.

И впервые за много лет произнёс её имя вслух:

— Лили.

Никто не ответил.

Эдриан закрыл новостную страницу. Затем открыл защищённую рабочую систему своей компании и создал новое дело:

BLACK HOLLOW — 2004.

В графе «Клиент» он оставил пустое поле.

В графе «Цель» написал всего два слова:

Установить правду.

ГЛАВА ВТОРАЯ. АРХИВ

Бостон, Массачусетс. Ноябрь 2025 года.

Наутро Эдриан отменил две встречи, не объясняя причин.

В десять у него были переговоры с представителями North Atlantic Holdings. К одиннадцати он должен был вернуться к текущим контрактам, к полудню — перестать думать о пожаре двадцатиоднолетней давности.

По крайней мере, так выглядело расписание, которое Мелисса оставила на его столе.

Он перечитал последний пункт и перевернул лист.

Всю ночь ему снилась дверь. Ничего особенного: обычная белая дверь, каких тысячи в больницах, гостиницах, офисах. Он знал, что с другой стороны кто-то стоит, но не мог вспомнить, кого именно ждёт.

Проснувшись в пять сорок, он обнаружил, что сжимает в руке край простыни.

Сейчас, сидя в кабинете на Бойлстон-стрит, Эдриан не позволял себе возвращаться к этому сну.

— Они уже здесь, — сообщила Мелисса по внутренней связи.

— Приглашай.

Делегация North Atlantic состояла из двух человек: финансового директора и юриста. Эдриану понравилось, что они не привели с собой ни специалиста по связям с обще-

ственностью, ни человека, отвечающего за «создание благоприятного впечатления». Обычно появление последнего означало, что за хорошие впечатления платить придётся отдельно.

За сорок минут они обсудили сроки, ответственность, порядок доступа к документам и цену. Эдриан дважды изменил формулировки договора. Один раз — сумму вознаграждения.

— У вас довольно жёсткие условия, мистер Вейл, — заметил финансовый директор.

— У вас довольно сложная корпоративная история.

— Именно поэтому мы обратились к вам.

— Значит, оба понимаем друг друга.

Никто не спорил.

Когда гости ушли, Эдриан передал подписанный договор Мелиссе.

— Запроси хранилище исторических активов. Полностью, насколько позволяет согласованный объём проверки. Мне нужны не презентации для совета директоров, а первичные материалы.

— Всё медицинское подразделение?

— Да.

— По старым клиникам тоже?

— Особенно по ним.

Она посмотрела на него. Эдриан ответил тем же спокойным взглядом, который обычно заставлял сотрудников

вспомнить, что любой уточняющий вопрос должен иметь практический смысл.

— Сделаю, — сказала Мелисса.

Он остался один.

На столе стоял кофе. Уже остывший. Эдриан выпил его, не поморщившись, и вернулся к отчёту по Northbridge Digital.

Слова складывались в осмысленные предложения, цифры — в понятные ряды. Он прочитал страницу, исправил два пункта, подписал письмо клиенту. Работа шла как обычно.

Только каждые несколько минут взгляд возвращался к пустому месту в правом верхнем углу монитора, где обычно появлялись уведомления о новых документах.

Он раздражался на себя за это.

Не потому, что боялся узнать правду.

Потому, что уже позволил ожиданию занять больше места, чем оно заслуживало.

✦ ✦ ✦

Доступ открыли через два дня.

Юристы North Atlantic передали всё без малейшей таинственности: реестры ликвидаций, страховые дела, договоры хранения, отчёты внутренних комиссий. Некоторые материалы относились к давно закрытым подразделениям, о существовании которых нынешние сотрудники корпорации узнали, вероятно, одновременно с Эдрианом.

В сопроводительном письме подробно объяснялось, какие документы доступны консультантам, а какие требуют от-

дельного разрешения из-за медицинской тайны.

«Если потребуется дополнительная подборка, сообщите», — заканчивалось письмо.

Эдриан оценил эту деловитость.

Когда люди ничего не скрывали, с ними было приятно работать.

Первый день он потратил на проверку медицинских активов в целом. В этом не было ни благородства, ни самообмана: North Atlantic платила за работу, и он намеревался её выполнить.

К вечеру перед ним лежала схема, на которой десятки компаний сливались, переименовывались, исчезали и возникали вновь. Black Hollow Behavioral Center находился на краю одной из ветвей — маленькая точка в огромной структуре.

Он выделил её курсором.

В тысяча девятьсот девяносто девятом году корпорация приобрела институт поведенческих исследований вместе с землёй, зданием и долгосрочными обязательствами. В две тысячи первом учреждение получило лицензию на медицинскую деятельность и стало принимать детей на краткосрочные стационарные программы. В октябре две тысячи четвёртого деятельность остановили после пожара.

Эдриан знал последнюю дату точнее, чем собственный день рождения.

Семнадцатое октября.

В тот день Лили было девять лет.

Он открыл перечень руководителей клиники.

Ричард Хейл — научный директор.

Маргарет Крейн — клинический психолог.

Томас Рид — руководитель службы безопасности и хозяйственного обеспечения.

Пока всего лишь имена людей, работавших в учреждении. Двадцать один год назад Эдриан мог слышать их в разговорах взрослых. Сейчас ни одно не вызвало узнавания — кроме Хейла, чья фамилия уже встретилась в газетном архиве.

Он не стал искать их фотографии.

Ему были нужны документы.

✦ ✦ ✦

В пятницу Мелисса принесла бумажную папку.

— Из юридического отдела North Atlantic. Они нашли отдельное дело по закрытию клиники. Старые страховые материалы оцифровали не полностью, так что прислали копии.

— Что в них?

— Инвентаризация, договоры хранения, служебная переписка. И материалы внутренней проверки. Часть приложений пока проходит согласование у их юристов.

— Хорошо.

— Вы хотите, чтобы я составила краткую выжимку?

— Нет. Я посмотрю сам.

Мелисса не стала спорить. Она работала с ним достаточно давно, чтобы отличать обычный интерес к деталям от необ-

ходимости не мешать.

Эдриан раскрыл папку.

Документы пахли пылью, хотя были всего лишь копиями. Возможно, запах шёл от старого картона обложки. Возможно, его придумала память.

В приложении к акту ликвидации значились столы, мебель, медицинские приборы, компьютеры, холодильное оборудование. Большая часть южного крыла была признана непригодной для восстановления. Северное крыло пострадало меньше; оттуда вывезли хозяйственные бумаги и исследовательские носители.

Эдриан задержал взгляд на строке.

«Исследовательские носители».

Он перевернул страницу.

Дополнительная опись № 14-А.

Аудиокассеты. Цифровые носители. Рабочие журналы. Протоколы наблюдений.

Ответственный хранитель: доктор Ричард Хейл.

Дата передачи: двадцать восьмое октября две тысячи четвёртого года.

Через одиннадцать дней после пожара.

Эдриан положил лист на стол так аккуратно, что его край точно совпал с краем папки.

Впервые за много лет события октября перестали быть для него неподвижной фотографией обгоревшего здания.

Они начали превращаться в последовательность челове-

ческих действий.

Кто-то собирал архив.

Кто-то подписывал описи.

Кто-то принимал решение, что сохранить, а что уничтожить.

Все эти люди продолжили жить после семнадцатого октября.

Лили — нет.

Он поймал себя на том, что стиснул зубы, и разжал челюсти.

Не сейчас.

Сначала факты.

✦ ✦ ✦

Внутренняя проверка корпорации была начата спустя несколько недель после трагедии. Её целью значилось определение финансовых и правовых рисков, связанных с закрытием учреждения и возможными претензиями семей пациентов.

Эдриан прочитал формулировку дважды.

Не из-за её жестокости. Для корпорации она была совершенно обычной.

Ребёнок погиб — юристам требовалось определить размер обязательств.

Пожар уничтожил часть здания — страховщикам следовало установить стоимость ущерба.

Сведения о медицинских исследованиях могли стать

предметом судебного разбирательства — их нужно было учесть и сохранить.

Эдриан сам много раз составлял похожие документы.

Он знал язык, на котором человеческие катастрофы превращали в управляемые последствия.

И сегодня впервые испытал к этому языку отвращение.

В папке находился перечень приложений к внутреннему отчёту. Несколько служебных объяснений, выдержки из журнала дежурств, переписка о перемещении имущества и отдельная подборка аудиофрагментов, предназначенная для правового анализа.

Имена пациентов в текстовых копиях скрыли. Доступ к исходным записям предоставлялся отдельно, в рамках установленной процедуры.

Эдриан заметил то, что другой консультант мог бы пропустить: в двух разных описях использовалось одно и то же обозначение.

ВН-17.

В первой оно относилось к исследовательскому протоколу с названием «Выбор».

Во второй — к фрагменту, включённому в материалы внутренней проверки.

Он открыл карточку исследования.

Четырнадцатое октября две тысячи четвёртого года.

Участники: дети девяти и десяти лет.

Руководитель: Ричард Хейл.

Исполнитель: Маргарет Крейн.

Цель обозначили расплывчато: оценка поведения в ситуации конкурирующих требований.

Эдриан отодвинулся от стола.

За окном проехала машина с сиреной. В коридоре кто-то рассмеялся. Обычный бостонский вечер продолжался, не замечая того, что в кабинете на шестом этаже один мужчина вдруг перестал понимать, сколько времени смотрит на одну строчку.

Девять лет.

Именно столько было Лили.

В клинике находились и другие дети того же возраста. Это ещё ничего не доказывало.

Но он уже не мог убедить себя, что вопрос не имеет значения.

Он позвонил Мелиссе.

— Свяжись с юридическим отделом North Atlantic. Попроси оформить доступ к приложениям внутренней проверки, которые мы вправе изучать в рамках оценки рисков. Включая согласованные аудиофрагменты.

— Они должны пройти дополнительную проверку на конфиденциальность.

— Пусть пройдут.

— Срочно?

Эдриан посмотрел на стол, где лежала старая опись.

— Да.

— Указать причину?

— Необходимость установить содержание исследовательских обязательств и обстоятельства закрытия клиники.

Мелисса помолчала.

— Всё хорошо?

— Конечно.

Он произнёс это так ровно, что сам услышал в собственном голосе чужую интонацию.

— Ещё что-нибудь?

— Нет, — ответил Эдриан. — Спасибо.

Положив трубку, он обнаружил, что на ладони отпечатался край ручки.

Он не помнил, когда взял её.

✦ ✦ ✦

В тот вечер Эдриан задержался в офисе до полуночи.

Не из-за North Atlantic. Уже не совсем.

Он открыл дома старую коробку, привезённую из Блэк-Холлоу много лет назад и с тех пор почти не тронутую. Внутри лежали фотографии, открытка с нарисованным маяком, несколько школьных тетрадей.

На одном снимке Лили сидела на ступеньках крыльца. Она держала в руках пластмассовый компас и смотрела мимо камеры с таким выражением лица, словно взрослые опять мешали ей заниматься важными делами.

Эдриан провёл большим пальцем по белой кромке фотографии.

Он помнил день съёмки. Лили спорила, что север находится там, где ей хочется, а стрелка компаса просто плохо воспитана.

Он тогда назвал её несносной.

Она ответила, что это семейное.

Эдриан поставил фотографию на стол лицевой стороной вниз.

Из гостиной были видны огни Бостона. Далеко внизу двигались машины, у перекрёстка зажёгся зелёный свет.

Он открыл ноутбук и просмотрел письмо юриста North Atlantic, присланное незадолго до полуночи.

Доступ к нескольким аудиофрагментам согласован. Материалы подготовят в защищённой комнате просмотра; копирование и распространение ограничены.

Встречу назначили на понедельник.

Эдриан перечитал дату.

До понедельника оставалось меньше трёх дней.

Впервые за много лет он хотел, чтобы время прошло быстрее.

И впервые — боялся того, что услышит, когда оно пройдёт.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ГОЛОСА ПРОШЛОГО

Бостон, Массачусетс. Ноябрь 2025 года.

В комнате не было окон.

Серые стены, стол, два кресла и экран, на котором горел список файлов. На краю стола стоял графин с водой. Эдриан подумал, что обстановка удивительно напоминает помещение для переговоров о банкротстве: здесь тоже люди собирались, чтобы спокойно обсудить конец чего-то важного.

Представитель юридического отдела North Atlantic объяснил условия ознакомления. Материалы были частью внутреннего дела о возможных претензиях после закрытия клиники. На некоторых записях сохранились личные сведения несовершеннолетних, поэтому доступ предоставили только к специально подготовленным фрагментам и с соблюдением ограничений.

— Если вам понадобится конкретный документ из полного дела, направьте запрос через нашу юридическую службу, — сказал он. — Мы проверим основания доступа.

— Понятно.

— Полагаю, вас прежде всего интересуют риски по исследовательским программам?

— В том числе.

— Большая часть этих дел закрыта много лет назад.

— Именно поэтому я хотел убедиться, что мы правильно понимаем их историю.

Юрист кивнул. Для него разговор был закончен.

Эдриан остался один.

Он надел наушники.

Первый файл содержал разговор двух сотрудников о расписании занятий. Качество было плохим; голоса то пропадали, то возвращались, шипение заглушало окончания слов. Во втором обсуждали передачу оборудования. Третий представлял собой короткую запись наблюдения за ребёнком, которому предложили выбрать карточку с изображением.

Ничего необычного.

Эдриан делал пометки, не испытывая ничего, кроме профессионального раздражения от беспорядка в материалах.

Затем он открыл ВН-17.

Вначале послышался скрип стула.

— Сядь ровно, пожалуйста, — произнесла женщина.

Её голос был мягким. Даже слишком мягким для помещения, в котором ребёнок отчётливо плакал.

— Я не хочу.

— Мы ведь договорились, что будем честными, Эвелин.

Эдриан перестал печатать.

Эвелин.

Имя отозвалось смутным воспоминанием: девочка с тёмными волосами, которая приходила к Лили. Возможно, они познакомились ещё до клиники. Лили говорила о ней часто

— как говорят дети о человеке, которого за несколько недель успевают назначить лучшим другом на всю жизнь.

На записи послышалось движение, затем детский вдох — неровный, сдавленный.

— Скажи, кто предложил это сделать, — повторила женщина.

Пауза.

— Лили.

— Громче.

— Это Лили придумала. Она хотела уйти. Я… я ей не помогала.

Последние слова прозвучали быстро, словно девочка боялась, что не успеет произнести их до чего-то неизбежного.

— Вот и хорошо, — сказала женщина.

Запись закончилась.

Эдриан остался неподвижен.

Он мог восстановить лишь часть происходившего: взрослый задавал вопросы, ребёнок говорил о попытке уйти, упоминалось имя Лили. Ни причин, ни обстоятельств, ни последствий фрагмент не раскрывал.

И всё же он почувствовал, как в груди что-то тяжело сдвинулось с места.

Лили хотела уйти.

Ему об этом никто не рассказывал.

В те годы взрослые говорили о лечении, о необходимости терпения, о том, что девочке нужно помочь справиться со

страхами. Он помнил, как раздражался на эти осторожные слова. Лили могла смеяться до слёз, спорить с ним из-за правил настольной игры, целый день бегать за ним с пластмассовым мечом — и вдруг ночью просыпаться от ужаса, который не могла объяснить.

Её отправили лечиться.

Он верил, что там ей помогают.

Эдриан снял наушники.

Слева от экрана отражалось его собственное лицо: спокойное, почти равнодушное.

Он вернул наушники на место и открыл следующий файл.

Номер в списке не был связан с ВН-17. Он относился к материалам проверки обращения пациентов и содержал несколько коротких фрагментов записи внутренней связи из южного крыла. В пояснении говорилось, что их сохранили из-за претензий к порядку наблюдения и эвакуации.

Сначала послышался гул, похожий на работу вентиляции.

— Пост наблюдения, — сказал мужской голос.

Шорох.

— Она опять просит позвонить домой. Передайте дежурному врачу.

Кто-то ответил невнятно. Затем прозвучал детский голос.

— Я хочу домой. Позовите Эдриана.

Эдриан перестал дышать.

Не в переносном смысле. Просто воздух, который он собирался вдохнуть, остался где-то на полпути.

Он узнал её сразу.

Голос стал выше, чем в памяти, или, напротив, память изменила его. Эдриан не сумел бы объяснить разницу. Но никто, кроме Лили, не произносил его имя так: с упрямой уверенностью, что стоит только позвать — и старший брат обязательно придёт.

На записи взрослый голос что-то сказал, однако Эдриан не услышал слов.

Он нажал паузу.

Комната осталась такой же: серые стены, графин с водой, стол, экран.

Ничего не произошло.

Ничего, что увидел бы человек, заглянувший сейчас в дверь.

Эдриан сидел совершенно прямо. Ладони лежали перед ним. На экране оставалось застывшее время воспроизведения.

Внутри же за одну секунду исчезла вся тщательно выстроенная дистанция между тем мальчиком, который когда-то ждал новостей из клиники, и мужчиной, которым он стал.

Лили звала его.

Он не пришёл.

«Ты не знал», — возразила какая-то часть его сознания.

Это была правда.

Но правда оказалась бесполезной.

Эдриан посмотрел на кнопку воспроизведения. Затем на

часы. Прошла всего минута.

Он бы поклялся, что намного больше.

Нажал «назад».

— Я хочу домой. Позовите Эдриана.

Во второй раз он заметил за её словами лёгкий стук, словно ребёнок ударил ладонью по твёрдой поверхности.

В третий — что Лили говорила не плача. Она пыталась звучать решительно.

Так она произносила свои самые важные распоряжения.

Он снял наушники и аккуратно положил их справа от клавиатуры.

Сидел молча.

Потом встал, налил воду и выпил половину стакана.

Стекло не дрогнуло в руке. Только вода показалась неприятно тёплой.

Он вернулся к столу.

На полях блокнота, рядом со временем записи, написал одно слово:

«Лили».

Больше ничего.

✦ ✦ ✦

На обратной дороге в офис он не включал музыку.

Водитель дважды спрашивал, куда свернуть. Эдриан отвечал сразу, не отрывая взгляда от мокрого стекла.

Ему хотелось позвонить кому-нибудь, кто помнил Лили живой.

Это желание было настолько непривычным, что он почти разозлился.

Он не позвонил.

В кабинете ждала Мелисса.

— Они предоставили всё необходимое?

— Достаточно для начала.

— Я могу запросить письменные расшифровки.

— Запроси. И полный перечень материалов внутренней проверки. Список объяснений сотрудников, журналы отделения, решения о переводах пациентов. Только то, что юридическая служба вправе открыть нам для проверки.

— Это связано с рисками по сделке?

Эдриан посмотрел на неё.

Ответить «да» было бы легко. Ответить «нет» — тоже.

— Там есть вопросы, которые я хочу проверить лично.

Мелисса не спросила больше.

Когда она ушла, он открыл фотографию доктора Ричарда Хейла на сайте медицинской конференции.

Седой мужчина улыбался в объектив. Внизу располагались сведения о профессиональных наградах, научных публикациях и многолетней работе с детской тревожностью.

«С уважением к достоинству каждого пациента», — говорилось в описании его подхода.

Эдриан прочитал эту строчку.

Потом закрыл страницу.

Он ещё не знал, что случилось с Лили до пожара. Не знал,

почему она хотела бежать. Не знал, при чём здесь девочка по имени Эвелин и что происходило за дверями южного крыла.

Но теперь он знал одну вещь.

Лили не просто оказалась в здании, где случился пожар.

Она хотела оттуда выбраться.

И просила позвать его.

✦ ✦ ✦

Вечером позвонила Клэр.

— Ты пропал, — сказала она вместо приветствия.

— Я работаю.

— Невероятно. Должно быть, это редкое явление в твоей жизни.

Он молчал.

— Эдриан, ты меня слышишь?

— Да.

— Тогда хотя бы притворись, что тебе не всё равно.

Обычно он ответил бы короткой колкостью. Возможно, предложил бы встретиться, если вечер оставался свободным. Клэр прекрасно знала, на что рассчитывать, и редко требовала большего.

Сегодня ему не хотелось ни игры, ни разговора.

— Не сегодня, Клэр.

Она помолчала.

— Что-то случилось?

— Ничего, с чем тебе нужно разбираться.

— Понятно.

Связь оборвалась.

Эдриан положил телефон экраном вниз.

«Ничего».

За сегодняшний день он успел произнести это слово несколько раз. Оно не стало правдивее.

Он снова открыл служебное описание фрагмента с голосом Лили.

Дата стояла в таблице рядом с названием файла: семнадцатое октября две тысячи четвёртого года.

День пожара.

В отдельной графе значилось место записи: помещение изоляционного наблюдения, южное крыло.

Эдриан прочитал графу ещё раз.

«Изоляционного».

Не детская палата.

Не кабинет врача.

Не комната отдыха.

Он нашёл официальный план здания. Южное крыло располагалось за внутренним коридором; несколько небольших комнат примыкали к служебному посту.

На фотографии после пожара у этих помещений не осталось окон.

Эдриан долго смотрел на снимок.

Теперь становилось ясно, почему Лили звала его.

Неясным оставалось всё остальное.

Он открыл новое письмо юридическому отделу North

Atlantic и написал запрос на служебные документы, связанные с решениями о помещении детей в изоляцию и действиями персонала семнадцатого октября. Запрос сформулировал без единого лишнего слова.

Затем закрыл компьютер.

Сидеть перед ним было больше невыносимо.

В квартире он прошёл в гостиную, открыл ящик, где лежала фотография Лили с пластмассовым компасом, и положил её на стол.

Она смотрела куда-то в сторону, упрямо сжав губы.

— Я слышал тебя, — произнёс Эдриан.

Тишина не изменилась.

Он постоял ещё немного.

Потом сказал то, чего не говорил вслух двадцать один год:

— Прости, что тогда не услышал.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ЧЕТЫРЕ ИМЕНИ

Бостон, Массачусетс. Декабрь 2025 года.

Правда не появилась целиком.

Она складывалась из чужих привычек, неточных формулировок и документов, которые первоначально составляли для совершенно иных целей.

Никто не записал: «Мы предпочли имущество ребёнку».

Никто не подписал признание в том, что девочку оставили умирать.

В этом Эдриан не нуждался.

Он начал с двух дат.

Четырнадцатое октября — запись эксперимента «Выбор».

Семнадцатое — пожар.

Между ними лежало трое суток, о которых семья Лили не знала почти ничего.

Дополнительные материалы приходили порциями. Юридический отдел North Atlantic работал добросовестно: уточнял основания доступа, готовил выдержки, передавал старые документы вместе с пояснениями. Никто не пытался прятать прошлое клиники. Для корпорации история двадцатиодно-летней давности была вопросом правильной классификации рисков.

Для Эдриана — вопросом того, что происходило с сест-

рой, пока он жил дома и считал, что она получает помощь.

✦ ✦ ✦

Первой сложилась история Маргарет Крейн.

Она руководила занятиями, на которые приглашали детей, посещавших пациентов клиники. В рекламном описании программу называли социальной поддержкой: знакомое лицо должно было снизить тревогу маленького пациента и облегчить возвращение к обычной жизни.

Под этим описанием стояли вполне добропорядочные цели.

Практика не представляла ничего необычного.

Необычным оказалось то, что происходило за закрытой дверью кабинета.

В служебных материалах исследования «Выбор» использовались слова «контролируемый конфликт лояльностей». Участникам предлагали сообщить сведения, способные поставить другого ребёнка в неприятное положение; реакцию взрослого и испытуемого фиксировали в протоколах.

Эдриан перечитал эту формулировку.

Он построил карьеру на знании того, как люди ведут себя под давлением. Взрослые предавали партнёров за деньги, должности, обещанную безопасность. Иногда ради того, чтобы избежать короткого неудобного разговора.

Но изучать подобное поведение на детях девяти и десяти лет — и делать это внутри лечебного учреждения — было чем-то другим.

В одном из документов Крейн описывала поведение Лили после полученного от другой участницы сообщения о намерении покинуть отделение.

«Пациентка сохраняет сопротивление режиму. Демонстрирует выраженную фиксацию на возвращении к семье. В связи с риском самовольного ухода рекомендовано усиленное индивидуальное наблюдение».

Ниже стояла подпись Крейн.

Эдриан нашёл дату.

Четырнадцатое октября.

Вечером того же дня Хейл утвердил решение о применении изоляционного режима при повторных попытках покинуть отделение. До пожара девочку переводили туда не один раз. Последняя запись в журнале относилась к семнадцатому октября.

Рядом с формулировкой об «усиленном наблюдении» Эдриан написал карандашом:

«Крейн».

Он не знал, что именно психолог говорила Эвелин перед записью. Фрагмент начинался уже после того, как разговор достиг своей цели. Ничего в доступных материалах не позволяло восстановить тон, угрозы или обещания взрослой женщины.

Но он слышал слова девочки.

«Это Лили придумала».

Для Эдриана они означали, что кто-то, кому сестра дове-

рилась, выдал её взрослым.

Он попытался вспомнить лицо девочки. В памяти сохранились два детских голоса, спорящих где-то за дверью о том, кто будет капитаном, а кто — его помощником. Он мог ошибаться: за прошедшие годы воспоминания слипались друг с другом, меняли места. Но когда-то Эвелин была частью мира Лили. Не посторонней. Не случайной посетительницей.

Подруга.

Эдриан особенно долго смотрел на это слово в материалах программы поддержки. В нём содержалось обещание, которого никто не подписывал и потому особенно легко нарушал.

Он не искал для этого поступка оправдания.

✦ ✦ ✦

Второй была служба безопасности.

Томас Рид отвечал за пропускной режим, ключи от технических помещений и взаимодействие дежурного персонала при чрезвычайных ситуациях. Вечером семнадцатого октября он находился в клинике.

Эдриан изучил список сотрудников, объяснения пожарной службы и материалы внутренней проверки.

Рид не был врачом. Он не назначал режим Лили, не участвовал в экспериментах и, судя по бумагам, вообще редко общался с детьми.

Зато у него были ключи.

У входа в помещение изоляционного наблюдения стояла дверь, которую персонал мог открыть снаружи. Согласс-

но инструкции, человек, находившийся внутри, не должен был оставаться без возможности немедленного освобождения при чрезвычайной ситуации.

Эдриан долго смотрел на эту строчку.

Затем перевернул страницу.

В объяснении одного из сотрудников говорилось, что в первые минуты пожара Рид помогал переносить коробки с документацией из северного крыла к служебному выходу. Сотрудник видел его дважды. В другом объяснении упоминалось, что Рид получил распоряжение от руководства сохранить материалы исследовательского подразделения.

Точные минуты расходились. Кто-то утверждал, что эвакуация пациентов уже началась. Кто-то не помнил последовательности. Пожар, дым, паника и давность рассказа разрушали даже вполне добросовестные свидетельства.

Официальная проверка не установила состава преступления. Возгорание признали случайным; часть действий персонала оценили как организационные недостатки.

Однако одно было бесспорно: Рид находился на месте, знал план отделения и распоряжался ключами от помещений, куда больные не могли свободно войти или откуда не могли выйти.

Эдриан вернулся к записи Лили.

«Позовите Эдриана».

Он представил, как Рид проходит по коридору мимо закрытой двери, держа в руках ящик с бумагами.

Представил — и тут же заставил себя остановиться.

Воображение не являлось доказательством.

Ему нужны были основания считать, что Рид знал: внутри остался ребёнок.

✦ ✦ ✦

Основание нашлось в приложении к страховому делу.

После пожара руководство клиники составляло перечень имущества, вынесенного из здания. В отдельной записке объяснялось, почему часть исследовательских материалов оказалась на улице ещё до прибытия спасательных служб.

«По указанию доктора Хейла сотрудникам хозяйственной службы было поручено обеспечить сохранность носителей, представлявших исключительную научную ценность».

Подписывал документ представитель администрации. Прилагались показания двух сотрудников, слышавших распоряжение. Оба подтверждали, что Рид участвовал в выполнении поручения.

Эдриан поставил на полях отметку.

На соседней странице находился перечень помещений, где в момент обнаружения пожара оставались пациенты. Напротив комнаты изоляционного наблюдения значилась фамилия Лили.

Этот перечень использовали для восстановления хода эвакуации. Он был составлен после трагедии по журналам отделения и свидетельствам персонала.

Ниже шла запись: информация о нахождении ребёнка бы-

ла передана на хозяйственный пост.

Рид не мог не знать, кто остался за запертой дверью.

Эдриан откинулся в кресле.

Сложившаяся картина была страшна именно отсутствием сложного замысла.

Сначала девочку заперли.

Потом вспыхнул пожар.

Затем взрослый мужчина распорядился спасать научные материалы.

Другой взрослый мужчина подчинился.

В какой-то момент спасти Лили стало невозможно.

Он прочитал страховые объяснения ещё раз. Они не доказывали, что кто-то желал смерти ребёнка. Не объясняли, в какой конкретно момент Рид понял масштаб опасности. Не позволяли отменить вывод официального расследования.

Но Эдриан больше не мог назвать произошедшее просто несчастным случаем.

Неисправное оборудование зажгло огонь.

Решения людей оставили Лили там, где огонь её настиг.

✦ ✦ ✦

Ричард Хейл оказался самым простым и самым трудным звеном этой цепи.

Простым — потому что его подпись была почти везде.

Он утверждал исследовательскую программу, согласовывал решения Крейн, руководил учреждением и распорядился эвакуировать архив.

Трудным — потому что формально каждое из этих действий имело невинное объяснение.

Исследование поведения детей — научная работа.

Изоляция — медицинская мера безопасности.

Сохранение документации — обязанность руководителя учреждения.

Даже распоряжение вынести архив можно было представить как попытку спасти сведения о лечении пациентов.

Эдриан знал цену таким формулировкам. На них держалась половина профессионального мира, в котором он вращался.

Однако Хейл вёл себя с исследованиями так, как другие люди вели себя с наследством: считал их продолжением собственной личности. Спустя годы после закрытия клиники он продолжал цитировать старые работы, ссылаться на методики и перечислять результаты программ в профессиональных биографиях. Оригинальные материалы находились на хранении у него.

Архив пережил пожар.

Лили — нет.

Эдриан долго сидел перед этой простой парой фактов.

Потом открыл новый документ.

Впечатал четыре имени.

Ричард Хейл.

Маргарет Крейн.

Томас Рид.

Эвелин Мур.

Последнее имя потребовало отдельной проверки.

В материалах программы поддержки значилась девочка, посещавшая Лили с разрешения родителей. Она не была пациенткой. Формально участвовала в занятиях как приглашённая подруга.

Эвелин Мур. Десять лет.

Эдриан вспомнил худенькую девочку, которая однажды стояла у них на крыльце и держала Лили за руку. Воспоминание было неопределённым: он мог ошибаться в её лице, одежде, даже в том, происходило ли это летом или осенью.

Но Лили называла её подругой.

Этого он помнил достаточно ясно.

Он нашёл Эвелин через обычные профессиональные реестры.

Тридцать один год. Психотерапевт, специализация — психологическая травма. Частная практика в Блэк-Холлоу. Несколько публикаций, небольшая фотография на сайте кабинета.

На снимке была взрослая женщина с внимательным взглядом. Волосы убраны за ухо. Лёгкая, почти вежливая улыбка, которую невозможно было принять за приглашение.

Эдриан смотрел на неё дольше, чем на фотографии остальных.

Она выросла.

Стала специалистом по чужой боли.

Научилась объяснять людям то, что сама, возможно, пыталась забыть.

Он не знал, помнит ли она Лили.

Не знал, сохранилось ли в её памяти произнесённое перед Крейн признание.

И вдруг ясно понял, что хочет знать.

Не для того, чтобы оправдать.

Для того, чтобы однажды увидеть её лицо, когда он произнесёт имя сестры.

✦ ✦ ✦

В половине восьмого Мелисса заглянула к нему с папкой другого клиента.

— Отчёт North Atlantic готов?

— Основной — да. Отправь завтра утром. Приложения по Блэк-Холлоу я закончу отдельно.

— Нам понадобится ещё что-нибудь от их юристов?

— Пока нет.

Она положила папку на стол.

— Вы выглядите усталым.

— Это не преступление.

— Для вас — почти.

Эдриан поднял глаза. Мелисса улыбнулась, но тут же стала серьёзной.

— Вы точно в порядке?

— Да.

Помощница ушла.

Эдриан снова посмотрел на четыре имени.

Он всегда считал себя человеком, который умеет отделять личное от профессионального.

Сейчас профессиональное расследование закончилось. По North Atlantic он мог подготовить заключение: часть рисков исторического учреждения была урегулирована, другие требовали юридической оценки, актуальных требований к компании по этому эпизоду не обнаружено. Не его дело решать за суд, что случилось двадцать один год назад.

Именно так следовало поступить.

Закрыть папку.

Получить гонорар.

Вернуться к прежней жизни.

Эдриан взял ручку и провёл линию под четвёртым именем.

В этом списке не было случайных людей.

Каждый сделал что-то, после чего Лили осталась одна за запертой дверью.

И Эдриан больше не собирался соглашаться с тем, что на этом история закончилась.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПРИГОВОР

Бостон, Массачусетс. Декабрь 2025 года.

В заключении для North Atlantic Holdings не было ни одного слова о Лили.

Эдриан проверил документ сам, затем передал юридической группе для окончательной подготовки. Корпорация получила всё, за что платила: оценку правовых рисков, замечания по сохранности архивов, рекомендации по раскрытию исторических обязательств.

Никаких личных вопросов.

Никаких обвинений.

Никакой мести.

Тридцать две страницы точного, выдержанного текста.

Эдриан подписал заключение и отправил его клиенту.

Это был последний нормальный поступок, который он совершил в тот день.

✦ ✦ ✦

Позже он поехал в ресторан, где заранее забронировал столик на одного.

Официант предложил вино. Эдриан отказался.

За соседним столом мужчина рассказывал спутнице о неудачной сделке. Женщина улыбалась, время от времени касаясь его запястья. Они выглядели как люди, которые ещё верили, что чужая доброжелательность не требует проверки.

Эдриан заказал ужин, но почти не почувствовал вкуса.

Четыре имени лежали в телефоне — обычный текстовый файл, ничем не отличавшийся от сотен рабочих заметок.

Он прочитал их снова.

Хейл.

Крейн.

Рид.

Мур.

Девочка, которая предала подругу, давно стала взрослой женщиной.

Хейл продолжал читать лекции.

Крейн консультировала семьи и детей, хотя теперь работала значительно меньше.

Рид вышел на пенсию и жил в небольшом доме за пределами города.

Эвелин Мур принимала пациентов, писала статьи о травме и, судя по фотографии на сайте, умела смотреть на человека так, словно знала о нём нечто большее, чем он сам.

Все они получили двадцать один год.

Лили не получила ни одного дня.

Эдриан смотрел на имена, пока экран не потемнел.

Когда он был подростком, люди говорили ему, что со временем станет легче. Они не лгали. Со временем действительно стало легче вставать по утрам, строить планы, смеяться над чужими шутками, касаться женщины без ощущения, будто этим предаёшь память мёртвых.

Но легче не означало справедливее.

Он заплатил и вышел раньше, чем принесли десерт.

На улице стоял промозглый холод. Возле входа женщина пыталась усадить в такси маленького мальчика. Тот упирался, требовал вернуться за игрушечной машинкой и громко обвинял мать в нарушении обещаний.

Женщина выглядела измученной. Эдриан задержался у края тротуара, наблюдая, как она наконец приседает перед сыном, поправляет его расстёгнутую куртку и начинает что-то терпеливо объяснять.

Он вдруг вспомнил Лили, которая всегда добивалась своего одинаковым способом: сначала спорила, потом придумывала правила, по которым оказывалась права. Даже страх не делал её покладистой. В клинику она ехала за помощью, а не за тем, чтобы её учили повиноваться.

Мальчик забрался в машину. Мать закрыла за ним дверь и облегчённо выпрямилась.

Эдриан поймал себя на нелепом желании остановить её, сказать, чтобы она никогда никому не позволяла решать за ребёнка, когда ему достаточно страшно. Он ничего не сказал. Случайным прохожим не требовались его откровения.

У него в кармане зазвонил телефон. Дежурный партнёр уточнял детали договора. Эдриан дал три коротких указания, прослушал возражение и завершил разговор. Голос не изменился.

Он умел возвращаться в нормальную жизнь быстрее, чем

нормальная жизнь успевала заметить его отсутствие.

✦ ✦ ✦

В квартире было темно.

Эдриан не включил верхний свет. Прошёл к окну, снял часы и положил на подоконник. Внизу Бостон двигался привычно и беспечно: машины тормозили на перекрёстках, люди спешили домой, в окнах чужих квартир мелькали силуэты.

Он вспомнил слова из внутреннего отчёта:

«Утверждена мера усиленного наблюдения».

Вспомнил объяснение сотрудника о переносе коробок с документами.

И голос Лили.

Не её фотографию. Не смех, который он давно научился воспроизводить по памяти.

Настоящий голос, дошедший до него сквозь двадцать один год.

«Позовите Эдриана».

Он представлял себе, как сестра произнесла эти слова, уверенная, что брат может что-то исправить.

Это было невыносимо.

Он выключил телефон.

Подошёл к столу и достал старую фотографию с компасом. Положил рядом с ней лист, на котором были написаны четыре имени.

Только в этот момент он позволил себе подумать о смерти

другого человека.

Мысль появилась спокойно, без вспышки ярости.

Словно давно ждала, пока её перестанут отталкивать.

Хейл должен умереть.

Эдриан посмотрел на вторую строку.

Крейн тоже.

Рид.

И Эвелин.

Он понимал разницу между ними.

Хейл обладал властью. Крейн использовала её над детьми. Рид мог выбрать дверь вместо архивных коробок.

Эвелин в две тысячи четвёртом была десятилетней девочкой.

Он не забыл об этом.

Не ошибся в возрасте.

Не перепутал её роль с ролью взрослых.

Просто не считал это обстоятельство основанием вычеркнуть её имя.

Лили доверяла Эвелин.

Лили попросила о помощи.

Эвелин произнесла: «Это Лили придумала».

Для человека, привыкшего измерять ответственность степенью участия, этих слов было бы недостаточно. Эдриан сам мог бы привести десяток доводов против подобного вывода — уверенно, спокойно, на языке юристов и психологов.

Но когда он закрывал глаза, видел только белую дверь.

А за ней — девочку, которая звала его по имени.

Его сестру.

Его Лили.

Никому из четверых он не собирался предоставлять право на оправдание.

✦ ✦ ✦

Он не называл своё решение справедливостью.

Эдриан прекрасно понимал, что мог поступить иначе. Передать материалы независимым юристам. Добиваться пересмотра обстоятельств пожара. Найти свидетелей. Потребовать публичного разбирательства, даже если спустя столько лет оно не закончилось бы ничем.

Это был бы путь человека, который хочет установить истину и предоставить другим право решить, что с ней делать.

Он уже установил достаточно, чтобы захотеть другого.

Ему не нужны были публичные извинения Хейла. Не нужна была запоздалая репутационная катастрофа для клиники, которой больше не существовало. Он не хотел, чтобы Крейн выступила с раскаянием или Рид ещё раз рассказал, как трудно было ориентироваться в дыму.

Эти люди могли произнести любые слова. Лили от них не проснулась бы.

Он знал, что право на чужую жизнь не возникает от силы собственной боли.

Но именно это право он собирался взять.

Слишком часто слышал слово «справедливость» из уст

людей, которым просто не нравилось, что мир не исполняет их желаний.

Месть была точнее.

В ней не требовалось изображать беспристрастного судью.

Он хотел, чтобы четыре человека умерли потому, что когда-то умерла Лили.

Эдриан произнёс эту мысль про себя ещё раз.

Проверил, не отступит ли она под собственным весом.

Не отступила.

Затем он взял чистый лист бумаги.

Провёл четыре горизонтальные черты.

Поставил рядом имена.

Он был человеком, который привык готовиться к любому решению долго. Спонтанность хорошо смотрелась в кино и плохо — в настоящей жизни. Эдриан не собирался действовать в порыве. Ему нужно было время, чтобы закончить дела в Бостоне и узнать нынешнюю жизнь тех, кого он приговорил.

Он не записывал, как именно они должны умереть. Не пытался превратить смерть в задачу, которую можно решить по пунктам.

Сначала ему требовалось понять, кем они стали.

Какими людьми их считали окружающие.

Что в их жизни было важным.

На первой странице он написал:

«Рид. Крейн. Хейл. Мур».

Потом поменял порядок.

«Рид. Крейн. Хейл».

Последнюю фамилию оставил отдельно.

«Эвелин Мур».

Он смотрел на её имя и вспоминал фотографию с сайта кабинета. Не потому, что считал её привлекательной, хотя она была красивой. Его интересовало выражение её глаз.

Такие люди редко подчинялись прямо.

Их нельзя было купить простым обещанием.

Их нужно было заставить самим сделать выбор.

Он представил, как войдёт в её жизнь. Не с обвинением. Не с оружием. Не с правдой о Лили.

Она будет смотреть на него, разговаривать с ним, доверять ему. Возможно, однажды полюбит.

И тогда узнает, кто всё это время стоял рядом.

В этой мысли было больше жестокости, чем в решении о смерти.

Он это прекрасно понимал.

И всё равно не отказался от неё.

Эвелин умрёт последней.

✦ ✦ ✦

В конце недели Эдриан провёл обычное совещание.

Мелисса докладывала о новых запросах. Руководитель аналитической группы представлял результаты квартала. Два сотрудника спорили о том, стоит ли расширять отдел

кризисных коммуникаций.

Эдриан слушал, уточнял цифры и принимал решения.

— Вы сегодня необычно спокойны, — сказала Мелисса, когда остальные вышли.

— Это должно тебя радовать.

— Обычно, когда вы спокойны, кому-то становится очень неуютно.

Он поднял на неё глаза.

— Тогда советую не беспокоиться заранее.

Мелисса улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Вы ведь не собираетесь продавать компанию?

Вопрос удивил его.

— С чего ты взяла?

— Вы попросили подготовить план распределения обязанностей на следующий год. И начали передавать часть клиентов партнёрам.

— Это называется управлением.

— В вашем исполнении — скорее подготовкой к чему-то.

Эдриан помолчал.

Он мог бы сказать ей правду.

Что впервые за двадцать один год у него появилась цель, не связанная с заработком, властью или удовольствием.

Что он собирается вернуться в город, откуда когда-то уехал навсегда.

Что там живут четыре человека, которым он больше не намерен позволять спокойно стареть.

Вместо этого он сказал:

— Хочу освободить себе немного времени.

— Для отпуска?

— Назовём это так.

✦ ✦ ✦

В ту ночь ему снова приснилась дверь.

На этот раз она была приоткрыта.

Эдриан знал, что за ней находится Лили. Слышал её дыхание. Чувствовал, как совсем близко по другую сторону шевелится кто-то маленький и нетерпеливый.

Он протянул руку.

И проснулся прежде, чем коснулся ручки.

В спальне стояла тишина. На часах было четыре семнадцать.

Эдриан долго лежал, не двигаясь.

Потом встал и подошёл к столу.

Фотография Лили лежала рядом с листом имён.

Он посмотрел на сестру.

— Я приеду, — произнёс он негромко.

Обещание было адресовано мёртвой девочке.

И ещё четырём людям, которые пока не знали, что их жизнь уже изменилась.

Эдриан выключил свет.

До осени оставалось достаточно времени.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ТЕРПЕНИЕ

Бостон, Массачусетс. Январь — август 2026 года.

В январе Эдриан Вейл узнал, что люди гораздо охотнее отвечают на вопросы о прошлом, когда им не задают вопросов о вине.

Он нашёл бывшего страхового оценщика, который двадцать один год назад занимался последствиями пожара в Блэк-Холлоу. Тот уже вышел на пенсию, переехал во Флориду и каждое утро играл в теннис. Говорил быстро, с раздражением человека, которого отвлекли от чего-то более важного.

— Да, я помню тот случай. Дорогая клиника. Много оборудования. Восстановление обошлось бы дороже, чем закрытие.

— Меня интересует не стоимость здания, — сказал Эдриан.

— Всех интересовала стоимость здания. Семьи, конечно, больше интересовались детьми. Но я занимался страховкой.

— Вы видели материалы внутренней проверки?

— Видел столько бумаг, что мог бы сложить из них второй корпус. Слушайте, мистер Вейл, там был несчастный случай. Ужасный, но случай. Пожарные своё заключение дали.

— Я не оспариваю причину возгорания.

— Тогда что вам нужно?

Эдриан смотрел на фотографию Лили, стоявшую возле

монитора.

— Понять, как проходила эвакуация.

На другом конце линии помолчали.

— С эвакуацией был бардак, — сказал наконец оценщик. — Но вы же понимаете, тогда у всех был бардак. У кого-то дети, у кого-то кислородные баллоны, у кого-то папки. Все бегали. А после каждый вспоминал, что делал самое правильное.

— Каждый?

— Ну, вы поняли. В отчёте всё есть. Больше я вам ничего не скажу.

Эдриан поблагодарил его и положил трубку.

В отчёте действительно было почти всё. Кроме того, чего Эдриан хотел больше всего: живого объяснения, почему кому-то показалось допустимым пройти мимо закрытой двери.

Он открыл заметки и записал несколько фраз. Рядом поставил дату разговора.

Ещё один голос из прошлого. Ещё один человек, который продолжал жить.

Из этого не следовало ничего нового.

Впервые за долгие годы Эдриану пришлось учиться ждать.

✦ ✦ ✦

В феврале он передал двум партнёрам полномочия, которые раньше оставлял только за собой.

Решение вызвало больше вопросов, чем любая неудачная

сделка.

— Ты собираешься продать компанию? — спросил руководитель аналитической группы.

— Нет.

— Тогда зачем меняешь структуру?

— Потому что компания, которая останавливается, когда её владелец выходит из здания, — плохая компания.

— Ты сам так её построил.

— Значит, пришло время исправить ошибку.

На совещании Эдриан говорил о росте, распределении ответственности и сроках реакции на кризис. Всё это было правдой. Ему действительно не нравилась зависимость бизнеса от одного человека, даже если этим человеком был он сам.

Но впервые деловая логика служила не только делу.

Теперь у него появилась жизнь, которой он не собирался делиться с сотрудниками.

Мелисса выслушала распоряжения и закрыла планшет.

— На сколько вы уезжаете?

— Пока не решил.

— Куда?

— В Мэн.

Она слегка приподняла бровь.

— На побережье?

— Нет. В маленький город.

— Вы ведь не умеете отдыхать.

— Поэтому и не называю это отдыхом.

Мелисса посмотрела на него чуть дольше обычного.

— Если потребуется что-то серьёзное, я буду знать, как вас найти?

— Конечно.

— Хорошо.

Она не спросила, что именно он собирается делать в Мэне. Это было одним из качеств, за которые Эдриан платил ей больше, чем большинству руководителей отделов.

✦ ✦ ✦

В марте Клэр перестала звонить первой.

Он заметил это на одиннадцатый день.

Не потому, что скучал. Просто за много лет выработал привычку замечать любые изменения в поведении людей, с которыми имел дело.

Потом она прислала сообщение:

«Ужин. Четверг. Если у тебя остались свободные часы для общения со смертными».

Он ответил согласием.

Клэр выбрала ресторан, в котором они впервые встретились. Тихое место с хорошим вином и настолько высоким счётом, что официанты никогда не позволяли себе задавать личных вопросов.

Она пришла в чёрном костюме, без украшений. Села напротив, заказала воду и некоторое время рассматривала его.

— Ты похудел, — сказала она.

— Ненамного.

— Я не спрашивала твоё мнение о собственном весе.

— Тогда зачем сообщила?

— Хотела проверить, умеешь ли ты отвечать на простые замечания без допроса.

Эдриан отложил меню.

— Судя по твоему лицу, испытание провалено.

Клэр усмехнулась, но улыбка оказалась короткой.

— В чём дело, Эдриан?

— В каком смысле?

— В обычном. Ты уже несколько месяцев разговариваешь так, словно мысленно стоишь в другом помещении. Сначала я решила, что у тебя проблемы в компании. Потом поняла, что нет. Когда у тебя проблемы в компании, ты становишься неприятным. Сейчас ты… — Она поискала слово. — Отсутствуешь.

Он не ответил.

Клэр провела пальцем по ножке бокала.

— Я не собираюсь вытягивать из тебя признания. Ты ведь знаешь, что наши отношения меня устраивали.

— Знаю.

— Но меня устраивали отношения с человеком. Не с креслом, которое иногда отвечает на сообщения.

— Чего ты хочешь?

Она посмотрела прямо на него.

— Чтобы ты хотя бы раз не пытался превратить разговор

в переговоры.

Эдриан выдержал её взгляд.

— У меня действительно есть дело, которое требует внимания.

— Опасное?

Слово прозвучало неожиданно.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты не похож на мужчину, которому вдруг захотелось заняться керамикой.

Он почти улыбнулся.

— Нет, Клэр. Керамикой не займусь.

— Вот и всё, что я хотела знать.

Она взяла меню, потом закрыла его, так и не раскрыв.

— Знаешь, что в тебе всегда было самым утомительным?

— Предполагаю, список длинный.

— Ты никогда ничего не обещал. И этим будто заранее освобождал себя от ответственности за всё, что происходит рядом с тобой.

Эдриан почувствовал раздражение. Не от обвинения — от его точности.

— Я не лгал тебе.

— Я и не сказала, что лгал.

Она встала.

— Приятного вечера, Эдриан.

Он тоже поднялся.

— Клэр.

Она остановилась.

— Спасибо за честность.

— Постарайся однажды воспользоваться ею сам.

Она ушла, не оглянувшись.

Эдриан остался у стола. Впервые за долгое время у него не нашлось ни одной колкости, которую хотелось бы произнести вслед.

Потерей он это не назвал.

Но когда вечером вернулся в квартиру, отсутствие запаха её духов на воротнике пиджака почему-то заметил.

✦ ✦ ✦

К маю у него было достаточно сведений о жизни четверых людей, чтобы перестать воспринимать их как фамилии.

Ричард Хейл по-прежнему выступал на конференциях. В местных газетах его называли человеком, посвятившим жизнь помощи детям и подросткам. Он любил фотографироваться с молодыми специалистами и не отказывал журналистам, если разговор касался его научных достижений.

Маргарет Крейн сократила практику. Иногда консультировала родителей, участвовала в волонтёрских программах, помогала проводить занятия для школьников. На одной фотографии она улыбалась рядом с девочкой в слишком большой футболке. Рука психолога лежала у ребёнка на плече.

Томас Рид после выхода на пенсию занимался садом и мелким ремонтом. Знакомые называли его надёжным человеком: если обещал приехать, приезжал. В местной газете

однажды даже напечатали благодарность за помощь в восстановлении забора у общественного центра.

Эвелин Мур вела приём четыре дня в неделю. Работала с последствиями психологических травм и тревожными расстройствами. В одном из публичных выступлений она сказала, что способность человека отказывать не делает его трудным или неблагодарным.

«У некоторых из нас право сказать „нет“ появляется слишком поздно», — говорилось в расшифровке.

Эдриан закрыл страницу.

Он не любил красивые слова, за которыми люди прятали простые действия.

Эвелин двадцать один год назад не сказала «нет».

Он ещё не слышал, что говорила ей Крейн перед тем, как начался сохранившийся фрагмент. Не знал о записке. Не представлял, сколько раз взрослая женщина прокручивала в памяти ту короткую сцену.

Знал только одно: Лили ей доверяла.

Из всех четырёх именно Эвелин вызывала в нём самое неприятное чувство.

С Хейлом всё было понятно. Человек привык распоряжаться чужими судьбами под видом науки.

Рид предпочёл приказ собственной совести.

Крейн спрятала жестокость за языком профессиональной заботы.

Но Эвелин была ребёнком.

Это обстоятельство должно было что-то изменить.

И не изменяло.

Он рассердился не на себя. На то, что спустя двадцать один год она успела стать женщиной, которой люди доверяли самое сокровенное.

Эдриан не видел в этом искупления.

Он видел продолжение жизни, которой Лили была лишена.

✦ ✦ ✦

В августе Мелисса принесла документы на дом, который он арендовал в Блэк-Холлоу.

Небольшой двухэтажный коттедж на окраине, возле дороги к старой лесопилке. Достаточно далеко от центра, чтобы не слышать движения по утрам. Достаточно близко, чтобы за десять минут доехать до любой городской улицы.

— Вы уверены? — спросила она, рассматривая фотографию гостиной с камином и зелёными стенами. — Здесь нет ни нормального рабочего кабинета, ни кофемашины, которую вы одобрите.

— Зато там есть дверь.

— Вообще-то несколько.

— Тогда особенно удобно.

Она положила бумаги на стол.

— Вы оставляете за собой право вернуться в любой момент. Я внесла это в договор.

— Прекрасно.

Мелисса присела на край кресла, чего обычно себе не позволяла.

— Скажите честно. Мне стоит беспокоиться?

Эдриан долго смотрел на неё.

— О компании — нет.

— Я спрашивала не о компании.

Он мог бы остановить разговор шуткой или холодным распоряжением. Вместо этого сказал:

— Есть одна история. Очень старая. Я хочу её закончить.

Мелисса не спросила, какая.

Наверное, впервые за всё время их работы она поняла, что не хочет знать ответ.

✦ ✦ ✦

В последний день августа Эдриан вошёл в свой бостонский кабинет раньше всех.

Снял со стены один снимок города, закрыл сейф, проверил папки клиентов. Потом взял фотографию Лили с пластмассовым компасом и убрал во внутренний карман дорожной сумки.

На столе остался чистый лист.

Эдриан написал четыре имени. Не для того, чтобы их не забыть. Скорее для того, чтобы увидеть: за девять месяцев ожидания список не изменился.

Рид.

Крейн.

Хейл.

Эвелин Мур.

Он сложил лист пополам.

В окно уже проникал утренний свет. Через час Мелисса придёт с отчётами. Через два — начнёт работать телефон. Через три в конференц-зале кто-нибудь опять попытается убедить его, что слово «срочно» оправдывает любую глупость.

Мир будет продолжаться.

Эдриан сунул лист в бумажник.

Впервые за долгое время он не захотел контролировать всё, что произойдёт в этом мире.

Только четыре жизни.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Блэк-Холлоу, штат Мэн. Сентябрь 2026 года.

Указатель с названием города стоял на том же месте, что и почти двадцать два года назад.

Разве что зелёная краска потускнела, а под словом BLACK HOLLOW появилась новая строчка: «Историческая долина. Основан в 1847 году».

Эдриан сбросил скорость.

Дорога спускалась между елями. Сквозь стволы иногда мелькала река — узкая, тёмная, с каменистыми берегами. По утрам здесь, наверное, собирался туман. В детстве ему казалось, что он поднимается прямо из воды и прячется в кронах деревьев до вечера.

Сейчас над рекой было ясно.

Всё выглядело почти неприлично обыкновенным.

Он ожидал, что узнает город сразу. Что в памяти оживут улицы, повороты, расстояния между домами. Но сначала увидел незнакомую заправку, магазин строительных материалов и стоянку пикапов возле нового супермаркета.

Блэк-Холлоу прожил без него два десятилетия.

Это почему-то задело сильнее, чем Эдриан предполагал.

Он остановился на светофоре, которого раньше не было.

Справа, за маленькой аптекой, обнаружилась пекарня. Слева стояла церковь с облупившейся белой дверью. Даль-

ше начиналась главная улица: кирпичные фасады, флаги над витринами, остановка школьного автобуса.

Здесь когда-то был магазин игрушек.

Теперь — кабинет стоматолога.

Эдриан провёл пальцем по рулю.

В витрине отражался его автомобиль. Чёрный, чистый, слишком дорогой для улицы, на которой люди обычно парковались не по разметке, а по привычке.

Когда загорелся зелёный, он поехал дальше.

✦ ✦ ✦

Коттедж оказался лучше, чем на фотографиях, и хуже, чем Эдриан надеялся.

Лучше — потому что за ним действительно начинался лес. Хуже — потому что в доме пахло чужим стиральным порошком и разогретым деревом, а мебель была подобрана человеком, уверенным, что любой мужчина средних лет непременно любит кожаные диваны.

Эдриан открыл окна.

Проверил воду, связь, рабочий стол, который заказал отдельно. Поставил ноутбук. Развесил одежду. Разложил ключи, документы и часы на комоде.

Привычный ритуал возвращал комнате границы.

На кухонном столе лежала приветственная записка хозяйки: «Надеемся, вам понравится тихая жизнь нашего города. Если что-то понадобится, звоните».

Эдриан перевернул карточку чистой стороной вверх.

Тихая жизнь.

Он приехал нарушить её.

Снаружи стукнула ветка о стену. В кухне на мгновение погас свет, затем снова загорелся. Где-то в коридоре включился старый холодильник.

Обычные звуки дома, который несколько недель стоял без жильцов.

Эдриан не любил, когда техника работала безупречно только при свидетелях. Позвонил хозяйке и попросил проверить электросеть и холодильник.

Она с готовностью пообещала прислать мастера.

Дело было не в страхе. Ему просто не хотелось тратить время на поломки.

✦ ✦ ✦

На следующий день он пошёл пешком.

Это оказалось неприятнее, чем ехать на машине.

За стеклом автомобильного окна любой город превращался в последовательность объектов. Поворот. Пешеходный переход. Стоянка. Магазин.

Пешком приходилось замечать запахи.

Мокрые листья под ногами. Дым из трубы. Хлеб. Масло от гаража на углу.

Эдриан остановился возле низкой кирпичной стены.

Когда-то они с Лили сидели здесь и спорили, кто сможет пройти по ней, не касаясь земли. Она проигрывала, злилась, обвиняла его в нечестном преимуществе длинных ног, а че-

рез пять минут требовала повторить состязание.

Теперь стену покрыли свежей штукатуркой. На ней красовалось объявление о городском осеннем празднике.

Он прочитал даты, хотя они его не интересовали.

Ничего не произошло.

Только в памяти возникло раздражённое детское:

«У тебя просто ноги длиннее. Это не считается».

Эдриан пошёл дальше.

В центре работало маленькое кафе, которое он помнил под другим названием. За стойкой стоял незнакомый парень лет двадцати. На подоконнике сидел толстый серый кот и с выражением крайнего осуждения наблюдал за покупателями.

Эдриан заказал кофе.

— Турист? — спросил парень.

— Нет.

— На выходные?

— Надолго.

— Здесь обычно так не отвечают.

— А как отвечают?

— «Посмотрим». Потом уезжают в понедельник.

Эдриан положил купюру на стойку.

— Посмотрим.

Парень улыбнулся.

Эдриан сел у окна.

Напротив кафе женщина выносила на тротуар ящики с

яблоками. Мужчина в рабочей куртке объяснял кому-то по телефону, что кран починят только после обеда. Школьный автобус остановился возле перекрёстка.

Обычный город.

Обычные люди.

Трудно было поверить, что здесь когда-то существовало место, где взрослых учили превращать детский страх в научный результат.

И ещё труднее — что трое из этих взрослых по-прежнему жили среди остальных.

✦ ✦ ✦

Кладбище находилось за старой дорогой, ведущей к холму.

Эдриан подъехал туда ближе к вечеру, когда ветер принёс запах сырой хвои. Поставил машину возле низкого каменного ограждения и пошёл вдоль рядов.

Найти могилу оказалось несложно.

Он помнил участок.

Помнил слишком хорошо для человека, который годами убеждал себя, что прошлое осталось в прошлом.

Светлый камень. Фамилия Вейл. Имя.

ЛИЛИ.

Девять лет жизни помещались между двумя датами.

Эдриан остановился.

Ему представлялось, что он скажет что-нибудь. Возможно, уже говорил мысленно по дороге.

Но теперь не захотел.

Его голос был слишком взрослым для разговора, который прервался, когда ему исполнилось тринадцать.

Он присел и убрал с камня сухой лист.

У нижнего края лежал небольшой круглый камешек. Почти белый, с тёмной полосой. Эдриан не знал, кто его оставил и как давно он здесь лежит.

Лили собирала такие камни и утверждала, что каждый похож на какую-нибудь страну, если достаточно долго его рассматривать.

Эдриан коснулся камешка, но не взял.

— Ты бы сказала, что я приехал слишком поздно, — произнёс он наконец.

Ветер шевельнул верхушки деревьев.

Он выпрямился.

— Я тоже так думаю.

Никакого ответа не было.

И впервые отсутствие ответа показалось ему невыносимо естественным.

✦ ✦ ✦

К вечеру он доехал до дороги, по которой когда-то возили Лили в клинику.

Проехать её можно было за десять минут. Дорога вилась между деревьями и выходила к старому каменному ограждению.

Сейчас на воротах висела табличка: ЧАСТНАЯ СОБ-

СТВЕННОСТЬ. ПРОХОД ЗАПРЕЩЁН.

За ней виднелись остатки южного крыла, заросшие кустарником. Северное крыло стояло целее: кирпичные стены, пустые оконные проёмы, ржавые водостоки. Территорию окружал новый забор. Очевидно, кто-то следил хотя бы за тем, чтобы сюда не забирались подростки.

Эдриан остановился у обочины.

Он не выходил из машины.

В этом не было необходимости.

По снимкам, планам и документам он знал, где находились изоляторы. Какая стена обрушилась. С какой стороны шли люди, выносившие коробки.

Ничего из этого не делало здание меньше.

Он посмотрел на дорожку, ведущую к главным дверям.

Лили когда-то прошла по ней сама.

Возможно, держась за чью-то руку.

Возможно, пытаясь казаться храбрее, чем чувствовала себя на самом деле.

Он представил её маленькую спину, рюкзак, упрямо поднятый подбородок.

И понял, что не может вспомнить последнюю встречу без чужих деталей, которые память успела придумать за годы.

Это разозлило его сильнее, чем вид разрушенного корпуса.

Эдриан развернул автомобиль и поехал обратно.

✦ ✦ ✦

Вечером он открыл местную газету.

На первой странице рассказывали о предстоящем благотворительном вечере в поддержку детской психологической помощи. Среди приглашённых выступающих значился доктор Ричард Хейл.

Ниже стояла дата — через три дня.

Эдриан перечитал объявление, затем открыл календарь.

У него уже было несколько рабочих встреч с Бостоном. Он перенёс одну на утро.

Вечер освободился.

Человека, который почти двадцать два года назад выбрал документы вместо его сестры, собирались благодарить за вклад в заботу о детях.

Эдриан не почувствовал удивления.

Потом встал, подошёл к открытому окну и впервые за всё время пребывания в Блэк-Холлоу вдохнул так глубоко, будто воздух здесь был чем-то, что следовало попробовать на вкус.

Он приехал домой.

И намеревался познакомиться с городом заново.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ХЕЙЛ

Блэк-Холлоу, штат Мэн. Сентябрь 2026 года.

На двери общественного центра висел плакат с улыбающимся ребёнком.

«ДЕТЯМ НУЖНО, ЧТОБЫ ИХ СЛЫШАЛИ».

Эдриан остановился перед ним.

Плакат был новый, отпечатанный на хорошей бумаге. В нижнем углу перечислялись имена спонсоров. На первом месте стоял медицинский фонд, который поддерживал программы помощи детям с тревожными расстройствами. В списке приглашённых выступающих значился доктор Ричард Хейл.

«Детям нужно, чтобы их слышали».

Эдриан вспомнил голос сестры в наушниках.

Он вошёл в здание.

В небольшом зале пахло свежей краской, кофе и чужими мокрыми пальто. Стулья стояли ровными рядами. У стены разложили брошюры. За столом регистрации две женщины оживлённо обсуждали, сколько людей придёт к началу выступления.

Эдриан назвал своё имя.

Одна из женщин посмотрела в список.

— Мистер Вейл? Да, мы видели вашу заявку. Вы указали, что интересуетесь программой как потенциальный бла-

готворитель.

— Верно.

— Очень рады. У нас здесь не так много людей, готовых вкладываться в профилактику психологических проблем.

Она протянула ему бейдж.

Он посмотрел на своё имя, напечатанное чёрными буквами.

ADRIAN VALE.

Раньше он не задумывался, насколько легко человеку скрыться за собственной настоящей фамилией. Достаточно было, чтобы никто не потрудился вспомнить ребёнка, умершего почти двадцать два года назад.

— Доктор Хейл уже приехал? — спросил он.

— Да. Готовится. Не хотите познакомиться после выступления?

— С удовольствием.

✦ ✦ ✦

В семь десять на сцену поднялся высокий седой мужчина.

Он оказался старше, чем выглядел на фотографиях. Лицо пересекали глубокие морщины, но движения оставались уверенными, почти молодыми. Хейл не спешил. Перед тем как начать, поправил микрофон, дождался, пока в дальнем ряду прекратится разговор, и оглядел присутствующих так, словно каждому лично разрешал здесь находиться.

— Спасибо, что пришли, — сказал он. — Обычно люди вспоминают о психическом здоровье ребёнка, когда уже

не могут справиться с последствиями того, чего не заметили раньше.

Голос был тёплым.

Эдриан отметил это прежде всего.

Ричард Хейл говорил голосом человека, которому хочется верить.

Он не употреблял сложных терминов без объяснения, вовремя делал паузы, иногда шутил. Рассказал, как маленькие пациенты боятся оставаться без знакомых людей, почему тревога не всегда видна со стороны, как важно не принимать детское сопротивление за плохой характер.

Несколько слушателей кивали.

Эдриан сидел в третьем ряду, положив одну ладонь на подлокотник.

Слова Хейла не были глупостью.

И это делало их почти невыносимыми.

— Самое опасное, что может сделать взрослый, — произнёс доктор, — это решить, будто он лучше самого ребёнка понимает, что тот чувствует.

Эдриан посмотрел на экран за сценой.

Там появилось изображение мальчика, сидящего у окна.

В памяти сразу возникла другая комната. Без окна. С дверью, которая открывалась только снаружи.

Он крепче сжал подлокотник.

— Дайте ребёнку ощущение выбора, — продолжал Хейл. — Именно с этого начинается доверие.

Слово «выбор» прозвучало отчётливо.

Эдриан знал название протокола ВН-17.

Знал, как Крейн заставляла одну девочку назвать другую.

И теперь смотрел на мужчину, который получал благодарные улыбки за совет не лишать детей права выбирать.

Люди были удивительными существами. Они способны построить публичную репутацию из тех самых принципов, которых не придерживались, когда никто не видел.

✦ ✦ ✦

После выступления к доктору образовалась очередь.

Молодая мать рассказала ему об одиннадцатилетнем сыне, который стал бояться школы. Хейл слушал внимательно, не перебивая. Подсказал, с кем связаться, посоветовал не торопиться с диагнозом.

Эдриан наблюдал со стороны.

Невозможно было отрицать: в эту минуту врач говорил разумные вещи. Возможно, даже помогал.

От этого в памяти не исчезала фамилия Лили в списке оставшихся в изоляторе пациентов.

Когда очередь поредела, организатор подвела Эдриана к доктору.

— Ричард, познакомьтесь: Эдриан Вейл. Из Бостона. Занимается корпоративным консультированием, интересуется поддержкой наших программ.

Хейл протянул руку.

— Рад знакомству.

Эдриан пожал её.

Рука была сухой и тёплой.

Он знал, что она подписывала документы об изоляции его сестры.

— Взаимно, доктор.

— Вы из Бостона, говорите?

— Живу там. Детство провёл здесь.

— А, значит, вернулись к корням. Хорошая привычка. Сейчас люди отвыкли от таких вещей.

— Иногда прошлое оказывается полезнее будущего.

Хейл улыбнулся.

— Любопытная формулировка для консультанта.

— Профессиональная деформация.

— Обычно вашу профессию интересует то, что принесёт прибыль завтра.

— Не всегда. Иногда приходится выяснять, что дорого обошлось вчера.

Улыбка доктора не исчезла. Но взгляд стал внимательнее.

— Вы оцениваете медицинские проекты?

— В том числе.

— Тогда нам найдётся о чём поговорить. Медицина постоянно нуждается в людях, которые умеют отличать реальные риски от модных страхов.

Он сказал это с привычной лёгкостью человека, которому редко возражали.

Эдриан посмотрел на брошюру в его руках.

— Вы давно занимаетесь детской тревожностью?

— Больше тридцати лет. Почти вся жизнь. Я работал ещё до того, как это направление стало популярным.

— В Блэк-Холлоу была клиника такого профиля.

Хейл не отвёл глаз.

— Да. Наш прежний центр. Тяжёлая история.

— Я читал о пожаре.

— Пожар унёс жизнь ребёнка. Одна из самых страшных вещей, которые может пережить врач.

Эдриан отметил, что доктор не назвал имени.

— Вы тогда руководили учреждением?

— Научной частью. Административные функции были разделены. — Хейл вздохнул. — В подобных организациях все решения приходится принимать вместе, но ответственность люди очень любят раздавать по одному.

— Понимаю.

— Не думаю, что понимаете, мистер Вейл. Когда работаешь с детьми, одна трагедия способна перечеркнуть тысячи случаев успешной помощи.

Он произнёс последнюю фразу без злости. Скорее с усталостью человека, которому давно надоело напоминать о собственных заслугах.

Эдриан понял, что его удивляет: Хейл говорил о погибшей девочке как о несчастном препятствии в истории большого дела.

— И всё же вам удалось продолжить исследования, — ска-

зал он.

Лицо доктора оживилось.

— Конечно. Наука не должна останавливаться из-за катастроф. Наоборот, мы обязаны учиться на ней. У меня сохранились материалы, которые не потеряли актуальности и сегодня.

Эдриан не изменился в лице.

— Судя по публикациям, архив у вас внушительный.

— Вы читали мои работы?

— Несколько.

— Приятно слышать. Молодые специалисты нынче редко возвращаются к ранним исследованиям. Предпочитают пересказывать последние модные статьи.

Хейл поправил очки.

— Возможно, когда-нибудь покажу вам старые методические записи. Для человека, привыкшего искать закономерности в человеческом поведении, это может быть весьма любопытно.

Эдриан почувствовал, как под рёбрами напряглись мышцы.

Он ответил:

— Не сомневаюсь.

✦ ✦ ✦

Когда разговор закончился, доктор пожал ему руку ещё раз.

— Оставьте свой контакт организаторам. Если заинтере-

суетесь фондом, мы поговорим предметнее.

— Обязательно.

Хейл уже повернулся к следующему посетителю, когда Эдриан произнёс:

— Доктор.

— Да?

— Вы сказали со сцены, что детям важно ощущение выбора.

— Безусловно.

— А если взрослый не оставляет ребёнку выбора?

Хейл помолчал, словно прикидывая, насколько серьёзно следует воспринимать вопрос.

— Тогда взрослый должен быть уверен, что действует ради его безопасности.

— Даже если ребёнок просит выпустить его?

Хейл посмотрел внимательнее.

— В некоторых состояниях дети не способны оценивать последствия собственных поступков. Для этого рядом с ними и находятся специалисты.

— Разумеется.

Доктор чуть склонил голову.

— Вы интересуетесь темой профессионально или лично?

Эдриан улыбнулся.

— Всё профессиональное когда-нибудь становится личным, если заниматься им достаточно долго.

Хейл рассмеялся.

— Хороший ответ. Запомню.

Они расстались.

Доктор ушёл обсуждать размер будущих пожертвований. Эдриан направился к выходу.

У двери он снова остановился перед плакатом.

«Детям нужно, чтобы их слышали».

Внизу подписались люди, которые считали Хейла примером заботливого врача.

Эдриан посмотрел на их имена.

Потом на слово «слышали».

Хейл был жив, здоров, знаменит и совершенно не представлял, что разговор с вежливым бостонским консультантом уже имел другое продолжение — то, о котором вслух пока не говорил никто.

✦ ✦ ✦

Поздно вечером Эдриан открыл заметки о благотворительном мероприятии. Деловой контакт, ничего больше.

Рядом лежала старая копия акта передачи исследовательского архива.

На ней стояла подпись Хейла.

Он уже видел эту подпись в нескольких документах. Везде она стояла под словами, после которых жизнь Лили становилась немного хуже.

Сегодня доктор произносил со сцены совсем другие слова. И выглядел при этом таким же уверенным.

Эдриан вернул бумагу в папку.

Однажды Хейл придёт к мысли, что всё ещё распоряжается происходящим.

Эдриан хотел присутствовать при этом заблуждении.

Не из профессионального интереса.

Из личного.

АКТ II. ОХОТА

Сентябрь — октябрь 2026

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. МАРГАРЕТ КРЕЙН

Блэк-Холлоу, штат Мэн. Сентябрь 2026 года.

Маргарет Крейн не любила, когда дети извинялись слишком быстро.

Она считала это признаком дурного воспитания. Взрослым удобно услышать «простите» и решить, что конфликт исчерпан, но ребёнок, произнёсший нужное слово, нередко так и не понимал, за что извинялся. Иногда он просто хотел, чтобы от него отстали.

— Ты можешь не отвечать сейчас, — сказала Маргарет мальчику напротив. — Я никуда не тороплюсь.

Мальчик насупился. Ему было лет восемь, не больше. На коленях он держал книжку с жёлтым динозавром на обложке, а на рукаве толстовки виднелась крошечная дырка.

— Я не хотел её рвать.

— Верю.

— Она сама порвалась.

Маргарет посмотрела на книгу. От корешка отходила одна страница.

— Это случается с вещами, которыми часто пользуются. Давай посмотрим, можно ли её починить.

Мать мальчика, стоявшая возле дверей читального зала, облегчённо выдохнула. Маргарет достала из ящика прозрач-

ную ленту для реставрации и предложила ребёнку придержать страницу.

— Хорошо, что вы сегодня здесь, — сказала женщина. — Он в последнее время совершенно меня не слушается.

— Возможно, ему тоже есть что сказать, — ответила Маргарет.

Она произнесла это привычно и без назидания. Фраза нравилась родителям. Маргарет знала: после таких слов они обычно улыбались и начинали смотреть на ребёнка чуть внимательнее.

С годами она научилась говорить только то, что люди способны услышать.

✦ ✦ ✦

Городская библиотека располагалась в доме, где когда-то жил владелец лесопилки. В старых комнатах скрипели половицы, окна зимой продувало, а лестницу между этажами пришлось укрепить металлической балкой. По этой причине библиотеку несколько раз собирались перенести в новое здание. Каждый раз жители поднимали такой шум, что администрация отступала.

Маргарет приходила сюда по средам и иногда по субботам. Официально она помогала вести детские чтения и консультировала организаторов по вопросам общения с тревожными детьми. Неофициально ей нравилось, что в библиотеке никто не называл её доктором.

«Миссис Крейн» звучало достаточно уважительно и не

требовало вспоминать прежнюю жизнь.

Она сложила отреставрированные книги на тележку. На столе возле окна лежала местная газета. Фотография на третьей полосе изображала мужчину в безукоризненном тёмном костюме рядом с Ричардом Хейлом.

Маргарет сначала узнала Хейла, потом прочитала подпись.

«Доктор Ричард Хейл обсудил развитие городских программ поддержки детей с предпринимателем и консультантом Эдрианом Вейлом».

Имя заставило её остановиться.

Вейл.

Она повторила фамилию про себя и тут же рассердилась на собственную реакцию.

В Мэне жили десятки Вейлов. В Блэк-Холлоу их когда-то было несколько семей. Кроме того, подпись под фотографией ничего не говорила о родстве, возрасте или происхождении человека.

Она поднесла газету ближе к глазам.

Мужчина лет тридцати пяти смотрел в объектив без улыбки. У него были тёмные волосы и уверенное выражение человека, которому фотография нужна только для приличия.

Маргарет не помнила его лица.

Но не выбросила газету.

— Миссис Крейн, — окликнула библиотекарь, — вы не могли бы на следующей неделе провести ещё одну встречу?

Для родителей. Только не про гаджеты, умоляю. У нас на любой вопрос теперь один ответ: виноват телефон.

— Телефон действительно способен усугублять некоторые проблемы.

— Вот видите, и вы туда же.

— Но не все, — закончила Маргарет. — Пришлите мне вопросы родителей заранее.

Библиотекарь улыбнулась.

Маргарет аккуратно свернула газету и сунула в сумку.

✦ ✦ ✦

В молодости она любила точность.

Врач должен назначать лечение, опираясь на факты. Психолог — наблюдать, а не угадывать. Если человек испытывает страх, важно установить причину, условия возникновения и способ снизить его интенсивность.

В те годы она считала, что достаточно правильно назвать человеческое чувство, чтобы получить над ним власть.

Ричард Хейл говорил примерно то же самое, только умел делать это перед залом из трёхсот человек.

Он называл страх механизмом. Вину — инструментом социализации. Доверие — переменной, которую можно измерить.

В его кабинете всегда стоял графин с водой. Стекло было настолько чистым, что Маргарет иногда смотрела не на него, а на отражение собственных рук в гладкой поверхности стола.

Когда-то её восхищала эта аккуратность.

Теперь раздражала память о том, что после закрытия клиники графин, наверное, просто перевезли в новый кабинет.

Домой Маргарет вернулась после полудня. Поставила сумку на кухонный стул, сняла туфли, включила чайник. У неё болели пальцы правой руки — привычная боль, с которой к осени приходилось считаться. На подоконнике поспевали крошечные красные помидоры.

Семь растений. Каждому она прикрепила бумажную этикетку.

Хороший порядок избавлял от необходимости вспоминать, где что растёт.

Телефон зазвонил, когда она наливала воду.

— Маргарет? — произнёс знакомый мужской голос. — Это Ричард.

Она посмотрела на настенные часы.

— Я узнала.

— Ты по-прежнему отвечаешь так, словно я мешаю тебе выполнять чрезвычайно важную работу.

— Я завариваю чай. Для меня это важно.

Хейл рассмеялся.

— Надеюсь, ты видела заметку в газете?

— Видела.

— Хорошая фотография. Правда, журналист совершенно неверно указал мою должность в фонде. Но это поправимо.

— Ты звонишь из-за должности?

— Нет, конечно. Там был человек из Бостона. Вейл. Уверенный, очень деловой. Похоже, действительно заинтересован в поддержке образовательных программ.

Маргарет сжала трубку сильнее.

— И что?

— Возможно, тебе придётся поучаствовать в какой-нибудь встрече, если фонд решит двигаться дальше. Ты ведь всё ещё работаешь с детьми?

— Не так, как раньше.

— Это и к лучшему. Сейчас все предпочитают говорить о границах, чувствах и прочих удобных словах. Твоя практика полезнее половины университетских лекций.

Маргарет посмотрела на газету, оставленную возле сумки.

— Ричард. Ты знаешь что-нибудь о нём?

— О ком?

— О Вейле.

— Всё, что он счёл нужным рассказать. Консультант, успешно работает с корпоративными рисками. Почему спрашиваешь?

— Фамилия знакомая.

— Блэк-Холлоу маленький город. Здесь у всех фамилии знакомые.

Он сказал это настолько беспечно, что ей стало неприятно.

— Ты никогда не думал, что кто-нибудь однажды захочет поговорить с нами о той клинике? — спросила Маргарет.

В трубке на секунду стихло дыхание.

— О какой клинике?

Она закрыла глаза.

— Не надо, Ричард.

— Маргарет, всё было проверено. Многократно. Я не намерен снова обсуждать обстоятельства несчастного случая всякий раз, когда тебе приходит в голову старое воспоминание.

— Я ничего не утверждала.

— Вот и прекрасно. Надеюсь, увидимся на заседании фонда.

Связь прервалась.

Маргарет ещё несколько секунд держала телефон у уха.

После этого выключила чайник, так и не налив себе вторую чашку.

✦ ✦ ✦

Эдриан пришёл в библиотеку на следующий день.

О времени работы детского клуба он узнал из городского расписания. Адрес Маргарет и часы её волонтёрства были указаны в открытой программе. Ему не требовалось ничего скрывать или придумывать.

Он просто открыл тяжёлую деревянную дверь и вошёл.

Внутри было тихо. На стойке выдачи сидела женщина с вязанием на коленях. Тёплый запах бумаги смешивался с запахом воска для пола.

— Ищу материалы по истории округа, — сказал Эдриан.

— Местная история наверху. Вы хотите что-то конкретное?

— Начало двухтысячных.

— Газетные подшивки у окна. Только осторожно с переплётами, они старые.

На втором этаже он нашёл стол, откуда был виден проход к детскому залу.

Он не нуждался в дополнительных сведениях о пожаре. Документы он уже изучил. Теперь его интересовала Маргарет Крейн без фамилии на акте и подписи под протоколом.

Он раскрыл газету за 2002 год и стал ждать.

Она появилась через девятнадцать минут. Невысокая женщина в сером кардигане, волосы собраны у затылка, на груди тонкая серебряная цепочка. Шла осторожно, будто берегла колено.

Улыбнулась девочке, попросившей помочь найти книгу про лошадей.

Эдриан не почувствовал ничего.

Это удивило его.

Он ожидал отвращения, злости, хотя бы короткого всплеска того чувства, которое в последние месяцы стало привычным. Вместо этого увидел женщину, которая проверяла, на месте ли закладка, и явно не любила сквозняки.

Она подошла к соседнему столу.

— Вам нужна помощь? — спросила она.

Эдриан поднял голову.

— Возможно. Я ищу материалы о старых лечебных учреждениях округа.

— Для книги?

— Для работы.

— Тогда вам лучше обратиться в историческое общество. Здесь газетные публикации. Для юридических вопросов они не всегда надёжны.

— Вы разбираетесь в юридических вопросах?

— Нет. Зато знаю, как легко журналисты ошибаются, когда описывают то, чего сами не видели.

Он посмотрел на неё.

— А психологи?

Маргарет чуть прищурилась.

— Простите?

— Психологи тоже ошибаются?

— Разумеется. Если человек утверждает обратное, я бы усомнилась в его профессионализме.

Она произнесла это без раздражения.

Эдриан мог бы назвать ей клинику. Мог бы произнести имя Лили и посмотреть, что случится с лицом женщины. У него были месяцы на подготовку такого разговора.

Он не сделал ни того ни другого.

— Пожалуй, начну с газет, — сказал он.

— Правильно. Историю полезно сначала услышать в том виде, в каком её рассказывали современники.

Маргарет сделала шаг, но задержалась.

— Вы недавно приехали?

— Да.

— Здесь многие возвращаются осенью. Обычно им хочется посмотреть, что осталось прежним.

— А вам хотелось бы, чтобы что-нибудь осталось прежним?

Она посмотрела на его руки, на открытую подшивку, потом на лицо.

— Нет, — ответила наконец. — Не всё.

И ушла к детскому залу.

Эдриан не обернулся.

Из-за стены послышался смех ребёнка. Женский голос попросил говорить тише. Кто-то уронил книгу.

Совершенно обычный день.

На первой странице газеты перед ним рассказывалось о школьном празднике. На соседней — о ремонте моста. Ещё ниже стояла реклама клиники, где работала Крейн.

«Мы поможем вашему ребёнку снова почувствовать себя в безопасности».

Эдриан закрыл подшивку.

✦ ✦ ✦

Вечером Маргарет долго не включала свет в гостиной.

Сидела возле окна и смотрела, как по улице проезжают машины. На противоположной стороне чей-то пёс носился по мокрой лужайке, с удовольствием портя хозяйке настроение.

Она вспомнила мужчину в библиотеке.

Высокий. Сдержанный. Слишком внимательно слушающий.

В его голосе было что-то знакомое, но не голос сам по себе. Скорее привычка оставлять последнюю фразу за собой.

Маргарет достала газетную заметку с фотографией Хейла.

Эдриан Вейл.

Она повторила имя шёпотом.

Потом подошла к книжному шкафу и сняла с верхней полки старый справочник телефонных номеров округа. Давно бесполезный, он служил подставкой для сувенирной статуэтки.

Маргарет нашла букву «В».

Несколько фамилий. Адреса. Номера, которые больше никому не принадлежали.

Ей захотелось отложить книгу.

Она продолжила листать.

Вейл.

Фамилия стояла рядом со старым адресом, который она помнила совсем по другому документу.

Маргарет опустилась в кресло.

И впервые за много лет позволила себе вспомнить девочку, которая стояла перед её столом, прижав ладони к животу.

Не Лили.

Другую.

Ту, которой тогда исполнилось десять.

Маргарет не стала вспоминать, что сказала ей в ответ. В собственной памяти она давно научилась останавливаться прежде, чем начинались неудобные подробности.

Она закрыла справочник.

На этот раз ей не удалось убедить себя, что появление Эдриана Вейла — простое совпадение.

Но звонить Хейлу она не стала.

Пока.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ТОМАС РИД

Блэк-Холлоу, штат Мэн. Сентябрь 2026 года.

Томас Рид просыпался в пять сорок даже тогда, когда заводил будильник на семь.

В доме не было никого, кому мешали бы его привычки, поэтому он никогда не пытался их менять.

Он вставал, проверял, закрыта ли задняя дверь, ставил чайник, открывал маленькое окно над раковиной. Осенью в него тянуло запахом сосновой коры и мокрой земли.

После завтрака Томас выходил во двор.

Там у него росли яблони, которые никак не хотели плодоносить как положено. Одна давала кислые зелёные яблоки, другая — слишком мелкие, третья будто обижалась на хозяина за недостаток внимания и каждый год сбрасывала половину завязей.

Он возился с ними, потому что не любил оставлять начатое.

В молодости за это его хвалили.

Томас считал такое качество достоинством и после шестидесяти.

К девяти часам он обычно ехал в город. По понедельникам покупал корм для птиц. По четвергам заходил в хозяйственный магазин, хотя ничего не требовалось. Иногда помогал знакомым с мелким ремонтом.

Он не называл это добротой.

Просто у него было много времени и две исправные руки.

✦ ✦ ✦

В тот четверг перед входом в магазин стоял мальчик на велосипеде. Цепь соскочила, испачкав ему пальцы. Мальчик сердито тёр их о шорты.

— Не мучай её, — сказал Томас. — Так только хуже сделаешь.

Мальчик поднял голову.

— Она не едет.

— Я вижу.

Томас поставил пакет на скамейку, наклонился, посмотрел на велосипед. Через минуту цепь снова была на месте.

— Держи руль прямо, когда трогаешься, — сказал он.

— Спасибо.

— На здоровье.

Мальчик укатил, даже не спросив имени человека, который помог ему.

Томас проводил его взглядом.

Иногда ему казалось, что возраст начинается именно тогда, когда люди перестают интересоваться твоим именем. Ты становишься просто человеком, который знает, как чинить велосипеды, открывать заевшие двери и находить нужные болты в ящике с ржавым железом.

Ему это почти нравилось.

Внутри магазина пахло опилками и машинным маслом.

— Доброе утро, Том, — сказал продавец.

— Посмотрим, насколько доброе.

— Яблони опять победили?

— Временно.

Продавец рассмеялся.

Томас выбрал перчатки, моток садового шпагата и новую щётку. Возле кассы стоял высокий мужчина в чёрном пальто, хотя день обещал быть тёплым. Он рассматривал дверные ручки на маленьком стенде.

— Если для старого дома, — сказал продавец мужчине, — лучше брать обычную. Не придётся потом подгонять крепление.

— Учту, — ответил незнакомец.

Томас повернул голову.

Голос был спокойный. Непривычно ровный для человека, который выбирал дешёвую фурнитуру.

— Простите, — сказал мужчина, — вы не подскажете, где в городе найти человека для мелкого ремонта крыльца? Хозяйка моего дома обещала мастера, но, похоже, у него очередь до Рождества.

Продавец махнул рукой на Томаса.

— Вот он. Если согласится.

Томас нахмурился.

— Я не работаю по заказам.

— Я и не прошу заключать контракт, — ответил незнакомец. — Мне нужен совет, не услуга.

Томас посмотрел на него внимательнее.

— Крыльцо проседает?

— Не уверен. Одна ступень ведёт себя так, будто у неё собственное мнение.

— В этом городе много таких ступеней.

— Уже заметил.

Оба мужчины слегка улыбнулись.

— Если дом съёмный, пусть хозяйка сама решает, что с ним делать, — сказал Томас. — Не вкладывайте деньги в чужую древесину.

— Разумно.

Незнакомец взял с полки маленькую рулетку.

— Благодарю. Я Эдриан.

Томас протянул руку.

— Том.

Они обменялись рукопожатием.

Пальцы у незнакомца были твёрдые, сухие, аккуратные. Томас вдруг вспомнил, как сам в прежние годы проверял ладонь после обхода помещений: нет ли пореза, занозы, ожога. На запястьях всё ещё оставались несколько белых полосок старых шрамов.

Он опустил руку.

— Надолго в город?

— Не знаю, — ответил Эдриан. — Пока есть дела.

— Здесь это плохая причина задерживаться.

— Почему?

— Дела в Блэк-Холлоу редко заканчиваются вовремя.

Продавец хмыкнул за прилавком.

— Том, ты сейчас всех туристов распугаешь.

— Он не турист, — сказал Томас, сам не понимая, почему так решил.

Эдриан посмотрел на него с едва заметным интересом.

— Верно.

✦ ✦ ✦

Выйдя из магазина, Томас обнаружил, что мужчина в чёрном пальто идёт к машине, припаркованной рядом.

Слишком дорогой машине для городка, где многие по привычке держали в багажнике лопату.

— Подождите, — окликнул Томас.

Эдриан остановился.

— Да?

— Про ступень. Не стоит самому делать выводы, пока не посмотрит мастер. Бывает, кажется, что доска ходит, а на самом деле проблема ниже.

— Благодарю за совет.

Томас кивнул, собираясь уйти.

— Вы давно здесь живёте? — спросил Эдриан.

— Тридцать с лишним лет.

— Значит, помните город до всех новых вывесок.

— Некоторые лучше бы не появлялись.

— А другие исчезли.

Томас посмотрел на него.

— Что имеете в виду?

— Старая лесопилка. Аптека на Мейн-стрит. Когда-то здесь было больше мастерских.

— Вы, выходит, местный?

— Когда-то был.

— Тогда вас город ещё удивит.

Томас хотел сказать что-то ещё, но слова не нашлись.

У незнакомца было лицо человека, который никогда не расскажет о себе больше, чем считает необходимым. Такие встречались Томасу в годы работы. Начальники, адвокаты, проверяющие. Говорили немного, но заставляли следить за собственными ответами.

— Удачи со ступенькой, — сказал он.

— И вам с яблонями.

Томас замер.

— Откуда вы знаете про яблони?

Эдриан кивнул в сторону витрины магазина.

— Продавец упоминал.

— А. Точно.

Томас усмехнулся собственной рассеянности и пошёл к пикапу.

Эдриан не смотрел ему вслед.

Для встречи, которую Томас считал случайной, этого было достаточно.

✦ ✦ ✦

Томас не был человеком, который часто вспоминал про-

шлое.

Он предпочитал мыслить делами. Что сделано, что ещё требуется, где лежит инструмент, сколько времени займёт дорога.

Прошлое же обладало неприятным свойством: оно не спрашивало, удобно ли его вспоминать.

Иногда запах мокрого картона возвращал его в коридор северного крыла клиники. Не запах дыма — именно картона, потому что коробки с папками были плотными, новыми, а на каждой стоял номер.

Томас помнил вес.

Одни коробки были тяжёлыми. Другие казались пустыми.

Ричард Хейл стоял у лестницы и говорил, что материалы необходимо вынести немедленно. Он говорил уверенно, как всегда. Даже в шуме сирен и шагов вокруг Томас не сомневался, что доктор знает, что делает.

В памяти никогда не было длинного разговора. Только короткие фразы, которые повторялись сами собой.

«Сначала архив».

«Остальных выводят».

Томас не знал, когда в действительности началось его сомнение. Наверное, раньше, чем позволял себе признавать.

Потом ему снилась дверь.

Не каждую ночь. Иногда месяцами вообще ничего не снилось.

Но просыпался он всегда с ощущением, что должен ку-

да-то успеть, хотя уже почти двадцать два года никуда не опаздывал.

Он говорил себе, что на пожаре невозможно предвидеть все последствия. Человек видит лишь несколько метров вокруг. Если начать размышлять о каждом неизвестном, не сделаешь ничего полезного.

Ему нравилась эта мысль.

Она не требовала продолжения.

✦ ✦ ✦

После обеда Томас заехал к общественному центру.

Там собирались ремонтировать крыльцо к осенней ярмарке. У входа лежала стопка досок. Молодой парень в рабочем жилете матерился над перекосившейся стойкой.

— Не гони, — сказал Томас. — Торопишься, когда ещё даже не знаешь, что сломано.

— Она трещит, когда на неё наступаешь.

— Вот и разберись почему.

Он присел рядом, хотя колено тут же напомнило о себе.

Внутри здания, за полуприкрытой дверью, кто-то репетировал речь для благотворительного мероприятия. Из динамика доносился женский голос. Женщина повторяла: «Нельзя заставить человека доверять».

Томас едва заметно поморщился.

За последние годы слова о доверии стали звучать повсюду. На афишах медицинских центров, по радио, в рекламе частных консультаций.

Ему хотелось, чтобы однажды люди перестали говорить о нём и просто научились делать своё дело.

К пяти часам крыльцо было готово. Томас не взял денег, хотя парень предлагал. Вместо этого согласился на чашку кофе в пластиковом стаканчике.

— Вы прямо спасли нас, — сказал парень.

Томас посмотрел на ровные ступени.

— От сломанной доски, — ответил он. — Не стоит преувеличивать.

Парень рассмеялся.

Томас не улыбнулся.

✦ ✦ ✦

Вечером на кухонном столе лежала покупка из магазина.

Томас достал щётку, шпагат, перчатки. Снаружи быстро темнело. Яблони превращались в чёрные узловатые силуэты.

Он включил настольную лампу и заметил на правой ладони маленькое красное пятно от древесной щепки.

Старая работа оставляла следы даже тогда, когда давно перестала быть работой.

Телефон звякнул: сообщение от знакомого из общественного центра.

«Спасибо, Том. Без тебя бы не успели к ярмарке».

Он отложил телефон.

Когда-то он тоже считал, что всегда успеет.

Выйти из здания.

Вернуться.

Открыть дверь.

Томас поднялся и проверил, заперта ли задняя дверь.

Потом проверил ещё раз.

В доме было тихо.

Эдриан в это время сидел за столом арендованного коттеджа и перечитывал два старых документа. На одном значилась подпись Рида под служебным журналом эвакуации. На другом — имя Лили в перечне тех, кто остался внутри здания.

Эдриан вспомнил, как Томас помог мальчику у магазина. Как объяснял, что не стоит ремонтировать чужое крыльцо за свой счёт. Как крепко, почти машинально пожал руку.

Человек, который мог быть полезным незнакомому ребёнку спустя почти двадцать два года, однажды не сделал единственного необходимого.

Эдриан закрыл документы.

Ему не требовалось ненавидеть Томаса Рида каждую минуту.

Он уже принял решение.

И не собирался его пересматривать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ЭВЕЛИН МУР

Блэк-Холлоу, штат Мэн. Сентябрь 2026 года.

Эвелин Мур умела отличать молчание, в котором человек собирался с мыслями, от молчания, которым его пытались заставить сдаться.

Разница была почти незаметной.

В первом случае люди дышали свободнее, когда понимали, что их не торопят. Во втором начинали следить за лицом собеседника, выискивая признаки неодобрения.

Женщина напротив неё уже минуту смотрела на собственные руки.

— Вы хотите, чтобы я сказала, что вам делать, — наконец произнесла Эвелин.

— Вы ведь психолог. Разве не в этом ваша работа?

— Иногда моя работа — помочь вам расслышать собственное решение.

— А если оно неправильное?

— Тогда вы будете иметь дело со своим решением. Не с моим.

Женщина подняла глаза.

— Вам легко говорить.

— Не всегда.

Эвелин не улыбнулась. Она не считала, что кабинет пси-

хотерапевта должен быть местом, где человека постоянно утешают. Иногда ему требовалось услышать неприятную вещь. Главное — не превращать эту неприятность в демонстрацию чужой власти.

— Я могу ошибиться, — сказала женщина.

— Да.

— И вы не будете меня останавливать?

— Если возникнет непосредственная опасность, мы будем обсуждать безопасность. Но я не стану проживать вашу жизнь вместо вас.

После паузы женщина кивнула.

Эвелин видела, что разговор помог. Не решил проблему и не сделал человека счастливым за один час. Просто вернул ей небольшую часть того, что у неё постепенно отнимали: право выбирать.

Когда дверь закрылась, Эвелин осталась за столом.

Сентябрьское солнце легло на край ежедневника. На подоконнике стояли два растения, одно из которых она упорно не могла заставить цвести. Клиенты называли кабинет уютным. Эвелин подозревала, что всё дело в старом кресле и отсутствии часов на стене.

Часы у неё были.

Она просто держала их так, чтобы видела только сама.

✦ ✦ ✦

В Блэк-Холлоу оставаться незнакомкой было трудно. А быть известным специалистом — ещё труднее.

На улице Эвелин останавливали люди, которых она не знала. Некоторые спрашивали, почему сын стал прогуливать школу. Другие хотели узнать, стоит ли разводиться. Однажды мужчина возле кассы супермаркета начал подробно рассказывать о своей бессоннице, пока Эвелин не попросила его хотя бы сначала оплатить замороженные овощи.

Она не раздражалась из-за самих вопросов.

Её раздражала уверенность, что чужая профессия автоматически делала чужое время общим имуществом.

В обед она зашла в пекарню на Мейн-стрит.

— Два миндальных круассана? — спросила продавщица.

— Один.

— Обычно берёте два.

— Вот видите. Сегодня я способна удивить даже саму себя.

— А второй кому?

— В прошлый раз? Себе. Я просто не хотела об этом сообщать.

Продавщица засмеялась и упаковала выпечку.

У выхода мужчина лет сорока спорил с молодой сотрудницей, выставлявшей корзины с хлебом. По голосу Эвелин поняла, что он давно перестал говорить о хлебе.

— Я всего лишь попросил сделать нормально. Неужели это так сложно?

Девушка покраснела.

— Я сейчас всё исправлю.

— «Сейчас» — это когда? Вы вообще понимаете, кто оплачивает вашу зарплату?

Эвелин остановилась рядом.

— Я хотела бы купить хлеб, — сказала она.

Мужчина бросил на неё недовольный взгляд.

— Мы разговариваем.

— Я заметила. Но прилавок от этого не становится вашей частной собственностью.

— Послушайте, леди…

— Нет, спасибо. Я уже услышала достаточно.

Она не повысила голоса. Даже не сделала того холодного выражения лица, за которое однажды получила от знакомой прозвище «судья Мур».

Мужчина посмотрел на продавщицу, потом на очередь позади Эвелин. Вдруг обнаружил, что зрителей больше, чем рассчитывал.

— Прекрасное обслуживание, — бросил он и вышел.

Девушка за прилавком нервно поправила фартук.

— Спасибо.

— Вы не обязаны благодарить за право спокойно работать.

— Я знаю. Просто иногда забываю.

Эвелин кивнула.

На улице она поймала себя на том, что испытывает удовлетворение.

Мужчина ушёл, не получив того, за чем пришёл: возмож-

ности заставить другого человека почувствовать себя маленьким. И ей понравилось выражение его лица, когда он это понял.

Эвелин не считала это особенно благородным чувством.

Но и лгать себе о нём не собиралась.

✦ ✦ ✦

Ей было тридцать два года.

В её жизни хватало вещей, которые другим людям казались признаками благополучия: собственная практика, квартира с большими окнами, машина, на которую не приходилось брать кредит, несколько близких друзей, которым не требовалось каждую неделю подтверждать дружбу.

Она умела разговаривать с незнакомыми людьми, любила хорошую музыку, слишком громко смеялась в подходящей компании и умела уходить с вечеринки ровно тогда, когда начинали повторяться одни и те же разговоры.

Иногда ей нравилось быть одной.

Иногда — не нравилось настолько, что она садилась в машину и ехала куда-нибудь без цели, лишь бы не слышать, как холодильник включается и выключается в пустой квартире.

Когда-то она встречалась с мужчиной, которого многие сочли бы идеальным.

Он был надёжен, внимателен, никогда не заставлял её объяснять, почему она задержалась на работе. Он легко представлял их общий дом, собаку, двоих детей и выходные, в которые никто никому не мешает.

Эвелин нравились и мужчина, и его представления о счастье.

Просто она ни разу не увидела в них себя.

Она сказала ему об этом прежде, чем их жизнь стала общей настолько, что расставание потребовало бы чьего-нибудь разрешения.

Он огорчился. Но не обвинил.

После него у неё были отношения короче и менее серьёзные. Эвелин не боялась желаний и не считала близость наградой за примерное поведение. Её пугало другое: как легко человек, которого впускаешь достаточно близко, получает право делать больно.

Она знала об этом не из учебников.

✦ ✦ ✦

По дороге домой Эвелин остановилась у цветочного магазина.

Она покупала здесь цветы раз в две недели. Не к празднику и не ради украшения. Просто любила, когда на кухонном столе стояло что-нибудь, напоминающее, что жизнь происходит не только по расписанию.

Сегодня она выбрала белые астры.

— Для кого? — спросила хозяйка.

— Для себя.

— А я всё надеюсь, что однажды у тебя появится тайный поклонник.

— Надеюсь, он хотя бы не будет тайным от самого себя.

Они улыбнулись.

На улице небо потемнело. Пошёл мелкий дождь, из тех, которыми Мэн мог заниматься бесконечно, будто не имея более важных дел.

Эвелин села в машину и некоторое время смотрела на капли на лобовом стекле.

По радио объявили о благотворительном мероприятии медицинского фонда. Назвали имя Ричарда Хейла.

Её пальцы замерли на ключе зажигания.

Голос ведущего был оживлённым. Он рассказывал о помощи детям, о важности поддержки, о том, сколько лет доктор посвятил своему делу.

Эвелин выключила радио.

Она знала, что Хейл живёт неподалёку и продолжает работать. Знала, что его приглашают выступать. Иногда видела портреты в газете.

Только одного не понимала: как человек, однажды заставивший ребёнка испытывать ужас перед собственной беспомощностью, мог с таким спокойствием учить окружающих заботе.

Она не слышала всей истории. Не знала, что происходило в коридорах клиники в ночь пожара. Но того, чему стала свидетелем раньше, было достаточно, чтобы никогда не считать Хейла добрым человеком.

Эвелин поехала домой.

✦ ✦ ✦

Её квартира находилась на втором этаже старого здания над мастерской по ремонту музыкальных инструментов. По утрам сквозь пол поднимались отдельные фортепианные ноты. Вечерами пахло полированным деревом.

На кухонном столе стояла миска с яблоками. Эвелин срезала у одного повреждённый бок, съела остальное и включила ноутбук.

В почте лежало приглашение провести бесплатную встречу для родителей в библиотеке. Тема была сформулирована так, будто составитель решил вместить в заголовок всю современную психологию: «Границы, тревога, детская самостоятельность и формирование доверительных отношений».

Эвелин вычеркнула половину слов.

Написала в ответ:

«Могу провести разговор о том, что делать, когда ребёнок говорит „нет“. Без презентации и рекламных материалов. В четверг после шести».

Через десять минут пришло согласие.

Она закрыла ноутбук и пошла в спальню.

На верхней полке шкафа стояла старая коробка. На ней не было подписи. Сверху лежали сложенные зимние шарфы, которых Эвелин не носила несколько лет.

Она не смотрела в сторону коробки.

По крайней мере, старалась.

Однажды, ещё в университете, знакомый преподаватель сказал, что человеку полезно перестать хранить предметы,

от которых он испытывает только боль.

Эвелин тогда спросила, означает ли это, что человеку следует выбросить все вещи, напоминающие о собственных поступках.

Преподаватель ответил не сразу.

Она до сих пор помнила эту паузу.

Внизу тихо прозвучало несколько нот. Кто-то настраивал расстроенное пианино.

Эвелин достала чистую рубашку и закрыла шкаф.

Вечер ещё не закончился. У неё оставались письма, непрочитанная книга и чашка чая.

Ни одно из этих дел не требовало открывать коробку.

✦ ✦ ✦

Позже она долго стояла у окна.

На противоположной стороне улицы мужчина пытался раскрыть зонт одной рукой, второй прижимая к груди пакет. Женщина рядом смеялась, а он делал вид, что всё идёт по плану.

Эвелин улыбнулась.

Она любила такие сцены. Люди становились особенно настоящими, когда им приходилось выбирать между достоинством и мокрыми ботинками.

Потом её взгляд скользнул по тёмному отражению стекла.

На секунду ей почудилось, что за спиной стоит десятилетняя девочка с волосами, прилипшими ко лбу, и смотрит на неё так, как смотрят только дети, которым только что пообе-

щали что-то очень важное.

Эвелин обернулась.

В спальне никого не было.

Она не удивилась. Так иногда работала память: принимала форму, прежде чем успевала стать мыслью.

— Я помню, — произнесла она почти беззвучно.

И осталась стоять у окна, пока дождь не превратился в сплошное серое стекло.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЗНАКОМСТВО

Блэк-Холлоу, штат Мэн. Сентябрь 2026 года.

Эдриан никогда не любил случайностей, которые называли судьбой.

Обычно за ними стояли чьё-то опоздание, чужая невнимательность или заранее подготовленное решение.

Вечером четверга ему предстояло встретить Эвелин Мур.

Для неё это должно было выглядеть обыкновенным знакомством. Для него — началом последнего, самого долгого дела в списке.

Он не собирался рассказывать ей, что нашёл её имя в старом протоколе. Не собирался произносить слово «Лили». Не собирался объяснять, почему из всех женщин Блэк-Холлоу выбрал именно её.

Ему было достаточно знать, где состоится открытая библиотечная встреча.

На экране телефона стояло объявление: «Когда ребёнок говорит „нет“. Разговор с психотерапевтом Эвелин Мур».

Ниже мелким шрифтом уточняли, что участие свободное и предварительная регистрация не требуется.

Эдриан выключил экран.

У него была фотография Эвелин, найденная много месяцев назад. На снимке она стояла у окна собственного каби-

нета, слегка повернув голову к камере. Тёмные волосы, внимательные глаза, лицо без нарочитой приветливости.

Он видел множество привлекательных женщин.

Почти ни одна не вызывала у него желания узнать, чем она занимается, когда никто не смотрит.

С Эвелин желание возникало по другой причине.

Он собирался сделать так, чтобы однажды она перестала контролировать собственную жизнь.

Пока всё шло по плану.

✦ ✦ ✦

В библиотеке пахло мокрыми пальто и свежим кофе. На длинном столе лежали листки для заметок, в углу стоял пластиковый контейнер с печеньем, которому явно исполнилось больше, чем следовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.